

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____ И.В. Евсева
« ____ » _____ 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФЛОТСКОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОЙ ПРОЗЫ XX-XXI ВВ.)**

Выпускник

Н.И. Кротов

Научный руководитель

к.ф.н., доц. Л.З. Подберёзкина

Нормоконтролер

А.С. Белозор

Красноярск 2016

РЕФЕРАТ

Бакалаврская работа «Функционирование флотской тематической лексики в художественном тексте (на материале русской прозы XX–XXI вв.)»: 80 с., 1 таблица, 74 источника литературы, 22 источника материала общим объемом 10369 с.

Ключевые слова: МАРИНИСТИКА, МОРСКОЙ ЖАРГОН, МОРСКОЙ ЯЗЫК, СТИЛИСТИКА ТЕКСТА, ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА, ФЛОТСКАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА, ФЭНТЕЗИ, ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ, ЯЗЫК КОРПОРАЦИИ, ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Объект исследования: флотская тематическая лексика в текстах современной художественной маринистики.

Цель исследования: описание процесса, в ходе которого на базе морского корпоративного языка формируется в составе языка художественной литературы корпус флотской тематической лексики, а также описание дальнейшего функционирования единиц данной лексики в художественном тексте.

Актуальность исследования заключается в исследовании малоизученного аспекта существования специальной лексики – функционирования её в несвойственной ей среде, то есть в художественном тексте.

В бакалаврской работе впервые вводится в научный оборот объёмный корпус текстов современного писателя-фантаста А.В. Рудазова. Вводится понятие флотской тематической лексики, определяется её место в системе русского языка, в том числе обосновывается необходимость отграничения её от морского корпоративного языка. Описывается стилистическая и тематическая дифференциация флотской тематической лексики.

Далее в работе описаны функции, выполняемые флотской тематической лексикой в художественном тексте (индицирующая, эмпатическая, характерологическая, криптолалическая), и обстоятельства, при которых конкретные лексические единицы способны выполнять данные функции. Выявлены и описаны принципы авторского отбора реально существующих и конструирования потенциальных и вымышленных лексических единиц, употребляемых в художественном тексте. Путём сложной лингвистической реконструкции выявлены способы порождения вымышленной тематической лексики, реализующиеся на основании данных принципов.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФЛОТСКАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	9
1.1. Флотская тематическая лексика как производное от языка корпорации моряков.....	9
1.2. Стилистическая дифференциация флотской тематической лексики.....	14
1.3. Тематическая дифференциация флотской лексики.....	17
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ФЛОТСКОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	23
2.1. Индицирующая функция.....	24
2.3. Эмпатическая функция.....	29
2.4. Характерологическая функция.....	31
2.5. Криптолалическая функция.....	42
ГЛАВА 3. ВЫМЫШЛЕННАЯ ФЛОТСКАЯ ЛЕКСИКА.....	47
3.1. Вымышленные собственные имена.....	50
3.2. Вымышленные нарицательные имена.....	56
3.3. Механизмы порождения вымышленной лексики.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Изучение стилистических функций нелитературной лексики является перспективным направлением современной лингвистики. Это объясняется как общей активизацией употребления данного пласта лексики в современном мире, так и участвующим привлечением его в качестве материала для художественного творчества. «Для познания законов употребления языка в нехудожественной литературе полезно обратиться к литературе художественной, – утверждает Ю.М. Папян. – Об этом можно говорить потому, что между той и другой разновидностями литературы существует своеобразное взаимодействие и взаимное дополнение, особенно заметное в отношениях художественной и научной литератур» [Папян, 2011: 122]

Обширными изобразительными и выразительными возможностями обладает флотская специальная лексика, обслуживающая такую древнейшую и широчайшую область прикладных и технических знаний как морское и речное судоходство. Литературная, терминологическая и жаргонная составляющая этого пласта лексики всесторонне описана в трудах А.Г. Гайнутдиновой, Л.В. Горбань, В.П. Коровушкина, М.И. Солнышкиной и ряда других лингвистов. Такого рода формы существования языка в отечественной лингвистике традиционно принято изучать в естественной, метафорически выражаясь, среде обитания – в живой речи носителей этих форм, тогда как функционирование их единиц в литературном тексте зачастую остаётся вне поля зрения учёных, и посвящённые этой проблеме исследования единичны. «Расширение границ употребления военно-морской лексики, её активное влияние на современный русский литературный язык <...> лингвистикой изучены далеко не достаточно» – пишет Л.В. Горбань [Горбань, 2008: 4]. Необходимость восполнить этот пробел в филологическом знании обуславливается **актуальность** настоящего исследования.

Весьма полно для своего времени рассматриваются бытование морской лексики в художественном тексте в диссертационном исследовании Н.М. Орловой. Учёная убедительно доказывает, что «использование морской лексики может быть одним из параметров характеристики индивидуально-авторского стиля» [Орлова, 1984: 159–160]. Однако существует ряд оговорок.

Во-первых, Орлова, поднимая широкий пласт морской лексики, описывает почти исключительно кодифицированную её часть.

Во-вторых, за более чем тридцатилетний срок с момента защиты диссертации значительно расширился (в том числе и в жанровом отношении) корпус текстов художественной маринистики и, как следствие – спектр выводов, которые можно сделать из наблюдения над этим материалом. Не вызывает сомнений работа М.Ф. Мисник, констатирующей, что «с развитием новых жанров литературы расширяется поле исследуемых разновидностей текста» [Мисник, 2006: 3].

В-третьих, в диссертации преобладают количественно-статистические, словообразовательные и лексикографические выкладки – в ущерб, как нам представляется, непосредственно функционально-лингвистическому исследованию. В то же время мы считаем важным избежать и другой крайности, от которой предостерегает Ю.М. Папьян: «Изучая лингвистические функции языковых единиц, мы отвлекаемся от «мыслей содержания» и сосредоточиваемся на изучении «правил» строя языка. <...> Языковые единицы, выведенные из текста (и образующие «совокупности», «поля» и «концепты»), не могут нести стилистическую информацию, которая **проявляется только в особенностях их организации** (выделено нами – Н.К.). Если стилистика отправляется от анализа языка произведения, она может и должна опереться на языковые средства выражения, несущие не только определённые семантико-стилистические значения, которые нередко фиксируются в словарях, справочниках и учебных пособиях, но и собственно стилистические смыслы, рождённые непосредственно в тексте» [Папьян, 2011: 123–124]. Поэтому мы вводим понятие **флотской тематической**

лексики, в которое включаем те элементы морского языка, которые, будучи употреблены писателем в произведении, входят в состав языка художественной литературы.

Объектом исследования послужила флотская тематическая лексика, используемая авторами в текстах современной художественной маринистики. **Предметом исследования** стали функциональные особенности бытования единиц данной лексики в рамках этих текстов.

Цель исследования есть описание процесса, в ходе которого элементы морского корпоративного языка, включаемые автором в текст художественного произведения, формируют корпус флотской тематической лексики, и дальнейшего функционирования названной лексики в художественном тексте. Фактически настоящий труд представляет очередной путь решения поставленной ещё В.В. Виноградовым проблемы «уяснения и раскрытия системы речевых средств, избранных и отобранных писателем из общенародной языковой сокровищницы» [Виноградов, 1959: 226].

Исходя из означенной цели, в работе оказалось необходимым решить следующие конкретные **задачи**:

- определить место флотской тематической лексики в системе русского языка, описать её стилистическую и тематическую дифференциацию;
- выявить принципы авторского отбора реально существующих флотских лексических единиц, используемых в художественном тексте, и описать дальнейшее функционирование этих единиц;
- описать принципы конструирования потенциальных и вымышленных лексических единиц, используемых в художественном тексте, и описать дальнейшее функционирование этих единиц.

Научная новизна представляемой работы состоит, прежде всего, в привлечении к решению перечисленных задач современного иллюстративного **материала**. В качестве такового для получения наиболее полных и объективных данных были использованы тексты произведений

отечественных авторов второй половины XX – начала XXI века, характеризующиеся различной жанровой принадлежностью: военная проза (В.С. Пикуль), производственная проза (А.И. Астраханцев), сатирическая и автобиографическая проза (А.М. Покровский), авантюрный детектив (Б.Акунин), псевдоисторическое фэнтези (В.В. Камша), эпическое и «попаданческое» фэнтези (А.В. Рудазов). При этом объёмный корпус текстов Рудазова впервые вводится в научный оборот, а произведения прочих авторов, ранее служившие материалом литературоведческих трудов, подвергаются детальному лингвистическому рассмотрению. Объём проанализированного материала составляет свыше 10300 страниц художественного текста: 15 романов, включённых в четыре цикла, 1 одиночный роман, 8 повестей, 126 прозаических миниатюр. Картотека по материалам рассмотренных текстов составляет более 9000 контекстных словоупотреблений и содержит единицы флотской тематической лексики:

- а) реально встречающиеся в живой речи его носителей и в таком виде включаемые в художественный текст;
- б) потенциальные, которые могут быть актуализированы в порядке художественного вымысла;
- в) вымышленные, основанные на реалиях фикционального мира, но сконструированные в соответствии с законами словообразования и лексической сочетаемости русского языка.

В ходе исследования применялись **методы** лингвистического, таксономического и объяснительного описания, количественного, компонентного и контекстного анализа, а также экспериментального моделирования.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списков использованной литературы и источников. В первой главе рассматривается место флотской тематической лексики в системе русского языка, особенности её генезиса и дифференциация. Во второй главе исследуется непосредственно функционирование данного пласта лексики в текстах

художественной прозы. В третьей главе описано конструирование писателями вымышленных единиц флотской тематической лексики на основе реалий фикционального мира фэнтези, сходства и отличия таких единиц от реальных.

Тема работы апробирована на ежегодных конференциях «Молодёжь и наука» 2014, 2015 и 2016 гг. Положения работы отражены в публикациях «Морской жаргон как выразительное средство художественного текста (на материале романа В.С.Пикуля «Океанский патруль»)» [Кротов, 2014] и «Вымышленная флотская лексика в романах русскоязычного фэнтези (на материале цикла В.В. Камши «Отблески Этерны»)» [Кротов, 2016].

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в развитие русской филологии путём выявления функциональных особенностей нелитературных форм существования языка и изучения особенностей их функционирования в составе художественных текстов.

Практическая значимость исследования состоит в возможном использовании его материалов при изучении таких дисциплин как «Лексикология», «Теория текста», «Стилистика», при дальнейшем лингвистическом и литературоведческом анализе романов, чьи тексты послужили материалом работы.

Глава 1. ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

1.1. Флотская тематическая лексика как производное от языка корпорации моряков

Как широчайшая область специальных знаний судоходство обслуживается собственной специфической коммуникативной системой, отвечающей всем многочисленным критериям, которым должен отвечать язык такой области знаний. Функционально-стилистическая принадлежность флотского языка и по сей день оценивается лингвистами довольно противоречиво.

Наиболее лаконично определение языка корпорации моряков было сформулировано М.И. Солнышкиной. «Профессиональный морской подъязык, – пишет она, – один из вариантов реализации языка этноса, подсистема, вторичная по отношению к общенародному языку, обладающая свойственным ей тезаурусом и обслуживающая как официальную, так и неофициальную сферы общения в мореплавании. Очевидно, что профессиональный подъязык – не язык в полном смысле слова, поскольку с использованием только профессиональных единиц, как правило, невозможно целиком построить полноценное высказывание. Входящий в его состав вокабуляр охватывает не все темы, а только ряд вполне определённых, касающихся профессиональной деятельности и наиболее актуальных непрофессиональных сфер, связанных с обеспечением жизнедеятельности» [Солнышкина, 2005: 41]. Полностью признавая справедливость её наблюдений, заметим всё же, что термин «корпоративный язык» по отношению к коммуникативной системе моряков более точен, чем «профессиональный язык». Причина проста: мореходная деятельность не всегда имеет профессиональную основу, как, например, у спортсменов, занимающихся яхтингом. Верно и замечание В.А. Хомякова об отсутствии интралингвистических различий между жаргонами профессиональными и

корпоративными и о следующей из этого трудности разграничения первых и вторых [Хомяков, 2009: 69; См. тж. Бондалетов, 1987: 68–72]. Всё вышеизложенное побуждает нас согласиться с Л.З. Подберёзкиной, согласно диссертационному исследованию которой основанием для вычленения корпорации служит общность не только лишь профессиональной, но и вообще какой угодно деятельности [Подберёзкина, 1995: 37], из чего делаем вывод, что *морской профессиональный подъязык* соотносится с *морским корпоративным языком* как часть с целым.

В дальнейшем язык моряков будет пониматься нами именно как корпоративный, ибо «понимание корпоративного объединения, опирающееся на учет пространственной локализации (в настоящее время преимущественно в масштабе города), профессиональной, бытовой и любой другой деятельности его членов, общности групповых интересов, осуществления непосредственных личных контактов между членами входящих в корпорацию малых групп» [Там же] совершенно справедливо по отношению к моряцкому социуму. Критерию пространственной локализации морской подъязык отвечает вполне, поскольку «функционирует как во временно замкнутом обществе (в периоды длительного плавания судов, стоянки в иностранных портах и др.), так и в относительно открытом сообществе (ремонт в порту, подготовка, обучение и др.)» [Солнышкина, 2005: 43–44]. Общность групповых интересов и деятельности (не только профессиональной, но и «любой другой») также очевидна, равно как и факт непосредственного межличностного общения – например, между членами команды одного судна. Представляется также возможным отождествить *корпоративный язык* с *языком для специальных целей* в терминологии Л.В. Горбань, который наиболее широко соотнесён с научной и научно-технической сферой конкретной специальности и имеет «гиперонимический статус по отношению к таким номинациям, как «подъязык специальности», «профессиональный подъязык»» [Горбань, 2008: 9–10].

Мореходство пересекается и смыкается со многими другими областями научных и профессиональных знаний – а вследствие этого пересекаются и смыкаются и их подъязыки. По наблюдению Н.М. Орловой, «в круг морской лексики <...> вошли многие метеорологические, географические, военные термины и термины других наук. Решающую роль в отнесении этих терминов к морской терминологии сыграло описание соответствующей профессиональной среды. Терминология морского дела включает в себя лексику, употребляемую на военно-морских, пассажирских, транспортных и рыболовецких судах, а также на судах спортивных. При общей близости этих разрядов слов каждый из них давал для исследования специфическую лексику» [Орлова, 1984: 7]. Хорошо иллюстрирует это положение отрывок из романа В.С. Пикуля «Моонзунд»: «Вы же знаете, какой у нас кэп невоспитанный человек... Между нами говоря, он не умеет вести корабль в море. А жаргон его – это жаргон речника (курсив наш – Н.К.)» [Цит. по: Каланов, 2002: 215] – язык речного судоходства также близкородствен морскому языку.

Применительно к моряцкой коммуникативной системе термин «язык» будет употребляться нами в качестве контекстного синонима термину «подъязык». Причиной этого является то, что данная система «выполняет функции, которые по масштабности можно сравнить с функциями нескольких подъязыков и жаргонов одновременно» [Там же: 42]; так, Л.П. Крысин указывал, что «в профессиональной среде, для целей непринуждённого профессионального общения они (члены корпоративной языковой общности – Н.К.) используют профессиональный жаргон, для целей официального, в особенности письменного, общения – специальный подъязык, а вне этих ситуаций, при общении на непрофессиональные темы и вне профессиональной среды они пользуются литературным языком, реже местным говором или просторечием» [Крысин, 2003: 69]. Всем этим подъязыкам и жаргонам как видовым понятиям требуется обобщающее родовое, за которое мы и примем *морской корпоративный язык*.

В понятие же *флотской тематической лексики (ФТЛ)* мы включаем именно те элементы морского корпоративного языка, которые функционируют в художественном литературном тексте. Термин «тематическая лексика» заимствован нами из лексикографии и лингводидактики. Тематическая лексика в нашем понимании является вторичной знаковой системой [Лотман, 2011d: 34] – вторичной по отношению как к собственно корпоративному языку, бытующему в речи, на базе которого построена эта система, так и к тексту произведения. Поэтому её единицы не могут трактоваться как всего лишь единицы корпоративного языка, употреблённые в несвойственной им функции, так же, как, согласно приводимому Ю.М. Лотманом примеру, не может быть отождествлён прозаический язык художественного произведения с не менее прозаическим разговорным языком [Там же: 37–44]. «Моделируя образы носителей языка и ситуации его употребления, художественная литература в образах же, т.е. в чувственной целостности и неразделённости, даёт не только знание о разновидностях существования языка, <...> но и способствует определению места, роли и принципов образования этих разновидностей в языковой деятельности» [Папян, 2011: 123]. То есть, строго говоря, единицы ФТЛ в первую очередь являются частью системы произведения, и только во вторую – характеризуются теми же словообразовательными, стилистическими, коннотативными и прочими особенностями, которыми характеризуются соответствующие им элементы морского корпоративного языка, ибо «целое в употреблении языка – первично, оно подчиняет себе строй языка как «частный» момент в выборе и организации языкового материала» [Там же: 121]. На это указывал ещё В.В. Виноградов, говоря, что ««диалектологическая» характеристика в литературе основана *на отличиях речи*, на стилистических *уклонениях от норм* литературного языка (в обоих случаях курсив автора – Н.К.)... <...> ... смысловая и композиционная функции этих диалектических¹ форм в плане литературы иные, чем в

---

¹ В современной В.В. Виноградову лингвистической парадигме профессиональные и корпоративные языки

плоскости общего письменного и разговорного языка»» [Виноградов, 1980: 84].

«Заимствованные» в художественный текст из речевой сферы, с которой среднестатистический читатель заведомо почти не сталкивается, единицы тематической лексики фактически представляют собой своего рода *экзотизмы*, а следовательно, «не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка (в нашем случае, русского литературного языка, составляющего базу языка конкретного художественного произведения – Н.К.), не функционируют в нём в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц» [Крысин, 2004: 61]. Именно этого не следует забывать, ставя перед собой те исследовательские задачи, которые ставим мы. Н.М. Орлова совершенно справедливо напоминает, что даже «номинативное употребление термина писателем не тождественно употреблению его в специальной, научной речи» [Орлова, 1984: 99–100], почти дословно повторяя слова В.В. Виноградова о том, что «смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением» [Виноградов, 1959: 230]. Помимо этого, существуют и специфические функции, которые флотская лексика выполняет в художественном тексте (см. [Кротов, 2014]), но не в иных сферах своего бытования.

Обобщим вышесказанное: все закономерности взаимодействия элементов внутри тематической лексики осуществляются не раньше, чем вступающая в них единица из принадлежности разговорного языка становится принадлежностью языка художественной литературы. Как перспективу дальнейших изысканий следует указать здесь выделение других тематических типов лексики в художественном тексте на основе других корпоративных подъязыков.

1.2. Стилистическая дифференциация флотской тематической лексики

ФТЛ, как и послуживший её основой морской корпоративный язык, обладает своей стилистической дифференциацией. «Реализация морского профессионального подъязыка в двух разновидностях (кодифицированной и некодифицированной) есть проявление определенного параллелизма, существующего между общенациональным языком и профессиональным подъязыком, – пишет М.И. Солнышкина. – Каждая из двух разновидностей подъязыка обладает определённой самодостаточностью и различается по функциям» [Солнышкина, 2005: 46]. Вследствие этого, хотя и не вполне таким же образом, отличаются и функции соответствующих элементов ФТЛ, также подразделяемой на терминологическую и жаргонную составляющие, между которыми некоторые лингвисты выделяют «прослойку» в виде профессионализмов.

По справедливому наблюдению Е.И. Головановой, «терминология составляет ядро языка профессиональной коммуникации. Она концентрирует в себе его основные признаки и свойства» [Голованова, 2004: 20]. Как уже было сказано выше, кодифицированная, терминологическая часть ФТЛ наиболее полно на сегодняшний день изучена Н.М. Орловой. В диссертационном исследовании учёная подразделяет функционирующие в художественном произведении специальные *термины* на:

- 1) широкоупотребительные, понятные обширному кругу читателей и зачастую омонимичные словам литературного языка;
- 2) термины узкоспециализированного употребления, понятные лишь представителям соответствующих профессий [Орлова, 1984: 7–8].

О первой категории также сказано, что «решающую роль для выявления таких терминов как объекта нашего исследования играет контекст произведения, описание морской профессиональной среды» [Там же].

Своего рода «пограничной зоной» между кодифицированной и некодифицированной формами существования одного и того же корпоративного языка считаются *профессионализмы*, стилистическая принадлежность которых однозначно не определена и поныне. Часть лингвистов отождествляет их с профессиональными жаргонизмами или включает в их состав, утверждая, что профессионализмы лексически синонимичны кодифицированным терминам и отличаются от них стилистической и/или экспрессивной окраской, образностью внутренней формы [Бойко, 2003; Орлова, 1984: 42–43]. Некоторые, напротив, утверждают, что «профессионализмы, выполняя коммуникативные функции, используются в прямом значении, лишены экспрессии и эмотивности» [Горбань, 2008: 15; См. тж. Голованова, 2004: 20] и преследуют единственную цель – экономию речевых усилий. Так или иначе, установление истинности того или иного суждения выходит за рамки настоящего исследования.

Важное значение для настоящей работы имеют изыскания В.А. Хомякова, посвящённые третьей функционально-стилевой разновидности, присущей корпоративному языку, а именно *жаргону*. Хотя они проводились на материале английского языка, нам кажется допустимым применить выявленные лингвистом закономерности и к русскому языку. Жаргон, как доказывает учёный, является наряду с арго (*кэнт* в терминологии Хомякова) крупнейшей составляющей специального сленга, входящего наряду с общим сленгом в состав просторечия [Хомяков, 2009: 96]. Жаргоны подразделяются исследователем на профессиональные и корпоративные, то есть нагруженные и ненагруженные стабильной и стандартизированной искусственной терминологией [Там же: 66], однако отмечается значительное взаимопроникновение этих двух разновидностей на основе, главным образом, экстралингвистических факторов. «Если, например, жаргоны студентов, <...> филателистов, участников войны и т.д. можно, без сомнения, отнести к корпоративным (групповым) жаргонам, то

военный жаргон для военнослужащих-профессионалов (скажем, танкистов, лётчиков, моряков, связистов, ракетчиков и т.д. и т.п.) скорее всего жаргон профессиональный. В то же время в устах людей, не связанных с армией профессионально, эти же жаргонизмы выступают как элементы корпоративного жаргона, подчёркивая факт временного пребывания их на военной службе (например, в годы войны)» [Хомяков, 2009: 69]. Проблема разграничения этих категорий лексики на сегодняшний день однозначно также не решена. Так, Л.П. Крысин полагает профессиональный жаргон несколько высшей стратой, нежели корпоративный, и отмечает, что от корпоративного тот берёт социальные характеристики, тогда как коммуникативные его признаки – это признаки функционального стиля, ибо использование жаргона зависит от условий коммуникативной ситуации [Крысин, 2003: 69]. Однако выше мы уже доказали, что *морской профессиональный подъязык* (а значит, и кодифицированная, и жаргонная его составляющие) является всего лишь одним из подъязыков меньших корпораций в составе языка более крупной корпорации моряков.

М.И. Солнышкина определяет *морской жаргон* как исторически сложившуюся, относительно автономную и стабильную форму существования национального языка, которая обслуживает неофициальную сферу общения в мореплавании и обладает только нормой второго уровня [Солнышкина, 2005: 40–41], то есть, по определению В.П.Коровушкина, нормой некодифицированной, субстандартной, узуальной, традиционной [Цит. по: Там же: 37]. Солнышкина считает некорректным применение термина «жаргон» к *норме второго уровня профессионального подъязыка*, поскольку эта последняя «никогда не утрачивает своих связей с нормативной составляющей – стандартной, кодифицированной частью соответствующего профессионального подъязыка, реализуемой средствами терминосистемы», а сам термин *жаргон* «нивелирует различия между социальными и профессиональными формами существования языка» [Там же: 40]. Позволим себе возразить: любое объединение людей по профессиональному признаку

неминуемо означает ту или иную степень их социальной общности, тогда как наличие этой общности далеко не всегда означает единство профессиональной деятельности. Этим подтверждается сказанное нами в предыдущем параграфе: язык корпорации может включать в себя профессиональный подязык как составляющую (и даже как основу), но не наоборот. Поэтому в дальнейшем, имея дело с некодифицированной частью ФТЛ, мы будем пользоваться терминологией Хомякова как более точной.

Основу лексического и грамматического строя профессиональных жаргонов, как указывает Л.П. Крысин, составляют «средства, совпадающие с единицами общенационального языка» [Крысин, 2003: 70]. Лексика и фразеология профессиональных жаргонов во многом лексически синонимична профессиональной терминологии данной отрасли или области знаний, причём каждому термину зачастую соответствует более одного синонима [Горбань, 2008: 10–11; Хомяков, 2009: 63]. Важной особенностью означенных синонимов Крысин называет «сочетание образности и выразительной краткости оборотов» и отмечает, что помимо терминов они могут замещать и слова общеупотребительного языка, тем же способом обогащая их смысл экспрессией [Крысин, 2008: 31].

Таким образом, будучи производным от морского корпоративного языка, ФТЛ наследует ему синтагматические связи внутри самой себя как системы, способом реализации которых является стилистическая вариативность.

1.3. Тематическая дифференциация флотской тематической лексики

Тематическая классификация лексики базируется на объектах номинации, круг которых и задаёт специфику данного корпоративного языка. Основу этого круга составляют три категории лексики, а именно слова, обозначающие предметы, действия и лиц. В рамках флотской тематической

лексики Н.М. Орлова выделяет более дробные *тематические группы*, как то:

- 1) наименования видов судов и кораблей;
  - 2) наименования частей и деталей судна;
  - 3) названия судового оборудования, снастей, приборов и их деталей;
  - 4) наименования чинов и должностей на флоте;
  - 5) наименования действий, процессов, трудовых операций;
  - 6) погодные, географические условия плавания и их следствия;
  - 7) навигационно-измерительная лексика, характеризующая движение и местонахождение судна;
  - 8) названия морских учреждений и совокупностей судов определённого назначения;
  - 9) наименования портовых и береговых сооружений и служб;
  - 10) предупредительные знаки;
  - 11) судовая документация;
  - 12) наименования звуковых и зрительных сигналов;
  - 13) основные характеристики судна;
  - 14) нахождение или возможность нахождения судна в море;
  - 15) лексика, указывающая на отношение к морской службе;
  - 16) наименования частей морской одежды и обмундирования
- [Орлова, 1984: 26–37].

При этом указывается, что подавляющее большинство ФТЛ в исследованных ею произведениях входит в состав первых пяти групп [Там же]. Эти группы, таким образом, составляют ядро ФТЛ, тогда как прочие остаются на периферии. «Следует отметить, что корпоративная "специализация" отражается уже на этой – первой – ступени её номинативной деятельности» [Подберёзкина, 1995: 76–77]. Перечисленными группами состав ФТЛ вовсе не ограничивается, особенно если не исключать из объектов исследования неcodифицированную часть морского языка.

Также, поскольку существование ФТЛ как явление представляет собой фактически экстраполяцию закономерностей строения морского корпоративного языка на язык художественной литературы, нам представляется необходимым вычлнить в рамках ФТЛ также группы *ономастической лексики*, как например:

1) имена судов и кораблей («*Чайка*», «*Сокол*», «*Соберано*»). Они наиболее широко представлены в масштабных произведениях, близких к эпическому жанру;

2) имена объектов гидротопографии (*Атлантический океан, бухта Байябьянка, архипелаг Кромаку*). Они наиболее широко представлены в произведениях, близких к классическому роману;

3) прозвища, даваемые на флоте лицам (*Генерал Кеша, Тур Ганикт Длинная Рука, Бе-Ме*). Они наиболее широко представлены в произведениях малой формы – новеллах, рассказах и миниатюрах.

«Второй уровень исследования – изучение *процесса номинации* (курсив наш – Н.К.) в данном языковом коллективе – позволяет выявить роль производной лексики в формировании "ноэтической картины мира" (Кубрякова)» [Подберёзкина, 1995: 79–80]. В нашем случае речь будет идти скорее о процессе номинации в сознании автора конкретного художественного текста и, соответственно, о формировании фикционального мира художественного произведения и картины действительности, которую автор желает представить читателю. Это формирование осуществляется с помощью изобразительных и выразительных языковых средств. «Для стилистики важно, что эта (поэтическая, эстетическая – Н.К.) функция языка, которую нельзя оторвать от одной из основных категорий художественного текста – образности, строится на кропотливой стилистической работе, включающей в себя и изучение употребления языка в разных сферах и средах» [Папьян, 2011: 122].

Группа 1 в языке исследованных произведений представлена широким корпусом лексики, обозначающей типы и классы судов и отличающей свои

номинаты по назначению (*корсар, круизный лайнер, крейсерская яхта класса «Альфа III»*) и оснащению (*парусник, фрегат, подлодка, унирема*). Эта группа включает в себя номинации преимущественно заимствованного характера, и совершенно естественно, что источником заимствования является язык той культуры, которую автор стремится изобразить, либо которой стремится уподобить вымышленную им культуру (*трирема, драккар, галеон*). Помимо этого, как будет подробнее показано в главе 3, именно наименования видов судов и кораблей составляют большую часть вымышленной ФТЛ в произведениях фэнтези (*альдарея, линеал, фафун*), уступая в количестве только онима́м.

Группа 2 включает единицы, называющие как крупные части плавательного средства (*мачта, каюта, палуба*), так и более мелкие детали этих частей (*трап, клюз, переборка*) [Орлова, 1984: 28]. К ней вплотную примыкает группа 3 (*штурвал, гафель, опреснительные установки*), причём не всегда вполне ясен принцип отнесения слова к той или иной из них. Н.М. Орлова, в частности, предлагает номинации рангоута относить к наименованиям частей и деталей судна, поскольку тот «возводится непосредственно при его постройке и остаётся неизменным», а такелажа – к наименованиям снастей и приборов, так как он принадлежит к тому, что «крепится на частях судна, может быть поставлено, привязано, убрано» [Там же: 29]. Такая классификация не бесспорна, но обоснованна. Лексика этих двух групп зачастую взаимно мотивирует друг друга (*грот* – парус, *грот-мачта* – мачта, на которой ставится этот парус). Это слова также преимущественно заимствованные, но причина здесь иная, нежели для группы 1 – данная лексика (за редкими исключениями) в принципе является заимствованной или калькированной в русском языке, так что в большинстве случаев автор просто не имеет возможности ввести в текст исконный синоним. Для обозначения вымышленных номинатов этих категорий может использоваться потенциальная (*вододуй* – тип судового двигателя) или

полностью вымышленная (*склопедраг* – корабельное орудие, устроенное по принципу гарпунной пушки) лексика.

Группа 4 включает наименования флотских должностей (*матрос, механик, кок*) и воинских званий (*корветтен-капитан, контр-адмирал, Наместник Эскадры*). На основании общего круга номинатов эта группа сближается с ономастикомом; так, Л.Г. Самотик выделяет ***околоономастические нарицательные имена*** [Самотик, 2005а: 9], являющиеся в системе художественного текста контекстными синонимами к собственным именам конкретных лиц (*плотник Хорёк, штурман Фабьев, адмирал цур зее Кальдмеер*). Единицы, входящие в эту группу, зачастую связаны отношениями семантической деривации с единицами предыдущих групп (*марсовый, ноковый (матрос), мастер квартердека*). Группа 5 – «наименования действий, процессов, трудовых операций» – описывается Н.Г. Орловой как наиболее неоднородная по составу из групп, входящих в ядро ФТЛ, и включает как глаголы, так и существительные, мотивационно-деривационные отношения между которыми вполне прозрачны (*абордаж – брать на абордаж, шторм – штормовать, штормить*), а также построенные на их основе словосочетания (*брать курс, отдавать швартовы(-е концы), мыть шею*).

Из периферийных тематических групп отдельного внимания с точки зрения функционирования вымышленной ФТЛ заслуживают группы 6 и 15. Причины этого будут подробно освещены в главе 3.

Не подлежит сомнению, что круг номинатов ФТЛ более широк (по крайней мере, потенциально), нежели круг номинатов морского корпоративного языка, поскольку часть этих номинатов, порой довольно значительная, не представлена в действительности вне произведения. К таковым относятся, в первую очередь, сами вымышленные персонажи-моряки и вымышленные же суда, на которых они ходят. В произведениях метажанра фэнтези круг номинатов ФТЛ расширяется ещё сильнее,

поскольку часть их является специфическими элементами фикционального мира, не имеющими аналогов в мире реальном.

Глава 2. ФУНКЦИИ ФЛОТСКОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Функциональная дифференциация тематической лексики осуществляется лингвистами на различных основаниях. Так, Н.М. Орлова в своей диссертации разделяет ФТЛ на:

- 1) используемую в номинативной функции, то есть ту, чьё значение наиболее близко к словарному;
- 2) используемую в переносном значении;
- 3) входящую в состав сравнительных, оборотов;
- 4) входящую в состав олицетворений;
- 5) входящую в состав фразеологизированных оборотов.

Основания для этого разделения всё же более стилистические, нежели функциональные, что признаёт и сама автор диссертации [Орлова, 1984: 99]. Строго говоря, данная классификация не является специфичной именно для художественного текста. Поэтому нам представляется более целесообразным воспользоваться собственной классификацией функций, описанной нами в более ранних работах на данную тему. Она включает функции, выполняемые в художественном тексте морским жаргоном, как то:

- 1) индицирующую функцию;
- 2) эмпатическую функцию;
- 3) характерологическую функцию;
- 4) криптолалическую функцию [Кротов, 2014].

Данная классификация пригодна для любой специальной коммуникативной системы, транспонированной в язык художественной литературы, а следовательно, и для ФТЛ. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться именно её.

2.1. Индицирующая функция

В работе 2014 года эта базовая функция тематической лексики в художественном тексте, называлась нами *функцией характеристики коммуникативной ситуации*. Заключается она в том, чтобы эксплицировать экстралингвистические обстоятельства, сопутствующие речи персонажей и автора. «Прежде всего, термин – средство описания морской профессиональной среды, создания «производственного пейзажа» [Орлова, 1984: 100]. В наиболее общем смысле любая единица ФТЛ может служить указанием на то, что действие в произведении происходит на море, на флоте или при непосредственном участии работников флота:

На огромном океанском лайнере качка ощущалась при волнении больше четырёх баллов, а сегодня, судя по сообщению в корабельной газете «Фэлкон ньюс», ожидалось не больше трёх. Должно быть, корабль колыхнула одиночная волна-переросток.

Борис Акунин, «Сокол и Ласточка»

Алые паруса раздуваются попутным ветром. Флагман геремиадской эскадры – галеон «Вазар». Шестьдесят две пушки, четыреста человек команды.

Здесь, на капитанском мостике, находится сам адмирал – щуплый невысокий человечек с аккуратной бородкой, но без усов. На лице усталость - путь выдался нелегким. Причем не из-за колдунов – Туман Духов надежно укрывал армаду от вражеских глаз. Серая Земля ничего не подозревала до того, как объединенный флот вошел в залив Бурь.

Александр Рудазов, «Война колдунов: штурм цитадели»

Матросы, одетые в белые форменки, тут же окружили нашего экскурсовода – молодую, симпатичную девушку. Легкое, летнее платьице нашего экскурсовода, насквозь прозрачное, в ласковых лучах северного солнышка, волновало всех наших трюмных, мотористов, турбинистов

четкими контурами стройных ног. Турбинисты пылали ушами и ходили за ней ошалевшим стадом.

Александр Покровский, «72 метра: Деревянное зодчество»

– Что, Коля, заштормил? – сказал я ему. – Давай-ка на три балла потише.

Александр Астраханцев, «И пройдут теплоходы»

В случае с жаргонной ФТЛ есть свои нюансы. Так, в соответствии со справедливым замечанием Л.П. Крысина, единицам профессионального жаргона свойственно кратко и/или образно называть «то, что можно выразить средствами общеупотребительного языка, но более вяло или же длинно» [Крысин, 2003: 31], реализуя таким образом принцип экономии речевых усилий. Коммуникативная ситуация в художественном тексте может складываться так, что действие этого принципа напрямую влияет на судьбу героев. Так, например, если действие происходит в обстоятельствах боя, аврала или просто экстремальной ситуации, то краткость высказывания, скорость подачи команд оказывается для персонажей решающим фактором в вопросе жизни и смерти:

*– Эх, если бы у нас была хоть одна серия **глубинок!** – загорелся Пеклеванный.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*глубинка* – номинация, образованная усечением от словосочетания *глубинная бомба*)

*Плохо дело. У меня раз вот так же **марсовый** с **бизани** грохнулся. Надо на спину его, поровней. Не то задохнётся.*

Борис Акунин, «Сокол и Ласточка»

(*марсовый* – субстантивированное прилагательное от *марсовый матрос*; *бизань* – здесь: усечение от *бизань-мачта*)

Другие характерные обстоятельства, при которых употребляется жаргонная ФТЛ – ситуация неформальной коммуникации героев-моряков. Здесь более короткие номинации применяются исходя не столько из необходимости в сокращении времени высказывания, сколько из привычки к такому, вырабатывающейся во время флотской службы.

*– Эй, на баке! – крикнул из ходовой рубки Василий Васильевич. – Ветер уже в четыре балла, а тут еще вы **штормите!** Возьмите **фордун**, да выдерните его!*

– Кого взять? – не понял Сергей.

*– Веревку, **мазут**, веревку! Вон, от мачты к борту тянется! Отвяжите её к чертям – зря болтается только! И выдёргивайте!*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

(*штормить* – здесь, метафорически: волновать, раскачивать судно; *мазут* – человек, не имеющий отношения к флотской службе)

Употребление героями референций, принадлежащих к кодифицированной ФТЛ, указывает, соответственно, на формальную коммуникативную ситуацию:

*– **Товарищ командир, прошу разрешения быть свободным.***

– Вас освободила Великая Октябрьская революция.

*– **Товарищ командир, прошу разрешения на сход с корабля.***

– А зачем?

Александр Покровский, «72 метра: Флот»

Отдельно следует отметить в реализации индицирующей функции номинацию лиц по флотским прозвищам. Последние также входят в состав морского языка, точнее – его узкокорпоративного «диалекта», область бытования которого не выходит за границы отдельно взятого судна или военно-морского подразделения [Бойко, 2003]. Следовательно, их

употребление говорит о том, что действие в художественном произведении или данном его отрывке происходит именно в этих границах.

*– Тогда ясно. Зови меня «**папаша Пом**». У нас всех кличут по прозвищу, так заведено. Только капитана нельзя – плохая примета.*

Борис Акунин, «Сокол и Ласточка»

(настоящее имя данного персонажа – штурман Кербиан)

Пояснение смысла и экспликация мотивации прозвищ подобного рода является интродуктивным приёмом, снижающим, метафорически выражаясь, градус экзотичности коммуникативной ситуации для пока ещё не до конца посвящённого в её детали читателя. Данный приём может оформляться как в речи автора-рассказчика, так и через прямую речь персонажей, представляющих в свою очередь себя или третьих лиц другим персонажам, также незнакомым или не вполне знакомым с флотской жизнью как таковой или бытом конкретного корабля или подразделения в частности.

*– Прицепится – и навсегда. С юных лет до гроба, с одного корабля на другой. Взять хоть меня. Четырнадцать лет мне было, когда я обожрался яблоками из палубной бочки, до поноса. С тех пор всё **Ротте**, да **Ротте**.*

Борис Акунин, «Сокол и Ласточка»

(фр. *ротте* – яблоко)

*Нашего комдива – контр-адмирала Артамонова – звали или **Артемоном**, или «генералом **Кешей**». И все из-за того, что при приеме задач от экипажей он вёл себя в центральном посту по-генеральски, то есть как вахлак, то есть – лез во все дыры.*

Александр Покровский, «72 метра: Орден Хрена Лысого»

(*Артемон* – ироническое производное от фамилии по созвучию; *генерал Кеша* – метафора по сходству поведения + ироническое уменьшительно-ласкательное, вероятно, от имени персонажа (в тексте оно не приводится))

Дополнительным индикатором неформальной ситуации могут служить элементы общего жаргона и просторечия, сопутствующие в контексте жаргонной ФТЛ:

– А теперь научите меня летать, – потребовал Угрюмченко, нетерпеливо подпрыгивая на кривых лапах. – Вот научусь, буду заместо впередсмотрящего. Покумекай, кэп, сколько сразу пользы!

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

Частным случаем неформальной коммуникации можно считать мысли персонажей, передаваемые автором при помощи прямой или несобственно-прямой речи. «Наедине с собой» герои также пользуются наиболее привычной и удобной коммуникативной системой:

*Возможность попрактиковаться в этом занятии мне предоставил герр **Кабан**, желудок которого из-за возраста стал плохо переваривать «**солёную лошадь**», так что бедняк с самого отплытия ещё ни разу не справил нужды.*

Борис Акунин, «Сокол и Ласточка»

(Отрывок из дневника героини, скрывающейся под видом судового врача; *Кабан* – судовой канонир Дезэссар, «*солёная лошадь*» – солонина, основной элемент рациона моряков на парусном флоте)

*На рейде дымящиеся буксиры разворачивали тяжёлый океанский транспорт, было слышно, как на палубе «**кунца**» тяжело и устало гудел гонг.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(Несобственно-прямая речь шкипера Рябинина; *купец* – метафора, обозначающая коммерческое судно)

Из приведённых примеров можно видеть, как номинации, избранные автором из диад «общелитературная / морская», «кодифицированная / жаргонная», исподволь формируют перед читателем картину флотского быта и помогают осветить его в соответствии с авторским замыслом с той или иной стороны.

2.2. Эмпатическая функция

Данная функция заключается в том, чтобы заставить читателя сопереживать героям и вызвать у него эмоции, соответствующие описываемым событиям (точнее – авторскому замыслу о том, какие именно эмоции этим событиям соответствуют). Присуща она главным образом элементам ФТЛ, соотносящимся с некодифицированной частью морского корпоративного языка. С эмпатической функцией ФТЛ тесно связана игровая функция, присущая соответствующему жаргону. Ярким примером их реализации является употребление слова *коробка* в значении «судно», дважды имеющее место у Пикуля:

– *Ты, Поленька, душу мою не стронешь: крепко она приросла к этой коробке.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

*Диспетчер рассказал, что штурман транспорта по какой-то причине принял Кольский залив за Темзу на подходах к Лондону и посадил **коробку** на мель.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

В первом случае слово употребляется боцманом Мацутой по отношению к кораблю, на котором он служит, и здесь приобретает значение грубоватой ласки. Это подчёркивается ещё и аллитерацией р/р', воспроизводящей кряхтящий голос старого рыбака. Во втором случае

жаргонизм имеет значение некоторой пренебрежительности. Эти коннотации, судя по всему, являются преобладающими для жаргонной ФТЛ, ср.:

Механик на пару секунд прикрыл глаза, прислушался к едва слышимым звукам и удовлетворенно кивнул.

*– Все тип-топ. Не волнуйся, Иваныч, у меня на этой **скорлупке** все схвачено.*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

(*скорлупка* – здесь, метафорически: яхта «Чайка»)

*– Черти, скажите **кэпу**, чтоб не раскачивал **посудину!** – крикнул Угрюмченко из недр машинного отделения. Оттуда слышался шум сварки и летели искры. – Если у меня сейчас шланг дернется, совсем без рук останусь!*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

(*кэп* – здесь: штурман Василий Васильевич Фабьев, *посудина* – здесь, метафорически: яхта «Чайка»)

*– Ты думаешь, Иваныч меня просто так тут главным назначил? Нет, он мужик неглупый, знает, что сам эту красавицу загробит... – штурман любовно погладил переборку. – А сколько эта **посудина** стоит, прикинь? Тут на миллионы счет идет...*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

(*посудина* – здесь, метафорически: яхта «Чайка»)

Во всех этих случаях эмотивная функция речи превалирует над информационной; автор выстраивает речь персонажей в большей мере в соответствии с их отношением к сообщаемой информации и обсуждаемой реалии, нежели с её сутью, причём эмоции героев автор стремится эмпатически передать читателю.

2.3. Характерологическая функция

Эта функция ФТЛ в художественном тексте заключается в том, чтобы развернуть перед читателем характеры персонажей и придать им психологическую достоверность, а также раскрыть образ автора [Кротов, 2014; См. тж. Виноградов, 1980: 84]. Последний в зависимости от художественного замысла может быть сконструирован писателем в русле как тенденции к включению себя в корпорацию моряков, так и тенденции растождествления с нею.

Так, например, у В. Пикуля можно наблюдать, что в некоторых случаях в авторской речи при употреблении жаргонной ФТЛ её единицы заключаются в кавычки:

Второных матросы ссыпали песок кучками на рундуках и сразу попали под «фитиль» Пеклеванного...

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*фитиль* – взыскание, порицание; *вставить фитиль(-я)* – наложить взыскание, выругать, распечь)

...в узкую Кильдинскую салму спешит укрыться от качки маленький рыболовный «ботяра»...

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*ботяра* – *бот* – «тип судна» + вульгаризирующий суффикс –яр-)

Водяные «усы» со свистом ложились по бортам.

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*усы* – метафора по внешнему сходству пенных следов, расходящихся от носа судна, с элементом лицевой растительности)

Это можно трактовать как экспликацию самим писателем функции используемой им ФТЛ: в образ автора включается как факт его владение литературным русским языком. Не допускается употребление корпоративно специфичных единиц без указания на осознание их нелитературности, для чего и используются кавычки.

Отклонения от этого правила встречаются в романе Пикуля трижды.

Бомбы наконец достигают воды и взрываются на глубине, ударяя по днищу катера «водяным молотом».

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

*...посыпались сверху глубинные бомбы, и каждая, сотрясая борта субмарины, колотила ее мощным **водяным молотом**.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*водяной молот* – гидроудар в результате подводного взрыва)

Представляется правдоподобным такое объяснение: данные высказывания описывают события с точки зрения того или иного героя. Однако в первом случае центральным персонажем повествования выступает Сергей Рябинин – новичок на военно-морской службе, не являющийся полноправным членом корпорации моряков и, как следствие, носителем соответствующей коммуникативной системы, а во втором – старый рыбак Мацута, который таковым является. При передаче речи (пусть даже несобственно-прямой) носителя литературного языка элементы морского языка выделяются кавычками, которые показывают несвойственность этого выражения лексикону персонажа. При передаче речи носителя собственно морского языка такой необходимости нет. То же самое можно наблюдать во время речи боцмана дяди Софрона, обращенной к Сергею:

*– Ты давай рисуй своей ложкой, до дна рисуй. Перед смертью никогда желудка обижать не надо. А на **сковородку** попасть успеешь... Ты как следует попрощался с родителями?..*

Сергей не знал, что такое «сковородка», но до поры до времени решил молчать и ни о чем не спрашивать.

<...>

Когда была доедена каша, дядя Софрон взял Серёжку за локоть и сказал:

*– Ну, вот, а теперь пойдём на **сковородку**.*

«Сковородкой» оказалась штурманская рубка. Капитан сидел в глубоком кресле, овеваемый струей электрического ветрогона, и перелистывал «Мореходные таблицы» за 1943 год.

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

Аналогично:

Дул сильный «свежак», отжимающий корабль от берега.

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

Могучий свежак сиверко ударил в паруса, напружинил их, и ихуна, накренившись на правый борт, почти толчком набрала новую скорость.

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(свежак – усечение от свежий ветер – ветер скоростью 8-10 м/с, 5 баллов по шкале Бофорта).

В первом случае речь принадлежит собственно повествователю, во втором она воспроизводит мысли героини Ирины Рябининой. Она как гидробиолог профессионально занимается работой на судне и также является членом корпорации моряков и носителем соответствующей коммуникативной системы.

Пикуль использует и иные приёмы речевого растождествления себя с героями-членами корпорации моряков. Так, вышеупомянутый боцман Мацута, рассказывая жене о минувшем рейсе, следует корпоративно специфичной морской акцентологической норме для именительного падежа множественного числа слова *иторм*:

Вот это был рейс! Тридцать семь дней, а из них двадцать девять – шторм!

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

В авторской же речи, в главе «Сиссу», где действие происходит на суше, уже не с моряками, а с солдатами (несобственно-прямая речь исключается контекстом), слово приводится в общелитературном варианте склонения:

*Отгрохотали тяжелые **штормы**, отгудели своё тоскливое зимние ветры, сугробы стали оседать книзу – близилась весна.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

Целью такого растождествления является стремление автора выступить в роли объективного и бесстрастного хрониста, однако это лишь одна из возможных писательских стратегий. Так, миниатюры, вошедшие в состав сборника прозы А.М. Покровского, стилизованы под байки, рассказываемые членами корпорации носителей соответствующего языка. Для этого в авторскую компетенцию должно как раз включаться владение морским языком, как следствие и показатель принадлежности к корпорации. Поэтому речь повествователя богата ФТЛ, как в кодифицированном, так и в жаргонном варианте:

*В глазах застыла картина: навсегда **центральный пост атомного ракетноносца**, размеренно и тихо, все по углам; лодка у пирса; послеобеденное время, все переваривают, в едином временном измерении, дремотно.*

*Вдруг в **центральный** – ни с того ни с сего – влетает **старпом** и, наклонившись, орёт*

– Суки! Суки! Суки! Все – суки!!! У-у-у, ё-ёлки! – и убегает.

Все застывают Замирают. Соображают Думают про себя. Онемело Остекленело Минуту, наверное.

Наконец, мимо, внося с собой жизнь, проходит вахтенный: он пришёл из другого отсека, не присутствовал.

Словно подуло. Потихоньку отпускает. Дышится. Движения свободней. Дежурный говорит матросу.

– Ты в трюме был? Давай рысью туда.

Тот в трюм

Все оживает, восстанавливается и – потекло, размеренно, чинно; послеобеденное время, хорошо, опять все переваривают...

Александр Покровский, «72 метра: Картина навсегда»

(центральный – субстантивированное прилагательное от центральный пост; старпом – стяжение от старший помощник (капитана, командира корабля); вахтенный – субстантивированное прилагательное от вахтенный офицер)

Ещё одна особенность образа автора заключается у Покровского в специфическом использовании номинаций лиц, которое наглядно прослеживается на следующих примерах:

Как вы думаете, что будет с входной дверью в квартире старнома, если в замочную скважину со стороны подъезда ей, или, может быть, ему, залить эпоксидную смолу? Наверное, ничего не будет.

Утром дверь у старнома не открылась – замок почему-то не вращался. Собака заскулила, ибо она почувствовала, что останется гадить в комнате. Он тоже почувствовал.

Сначала старпом хотел кричать в форточку, но потом ему вспомнилось, что существует такое бесценное чудо на флоте, как телефон.

Старпом позвонил распорядительному дежурному:

– Это говорит старпом Попова Павлов.

Александр Покровский, «72 метра: Давай!»

*Наш корабельный **док** бесцеремонно, как дрессировщик ко льву, залез в пасть к Паше-артиллеристу и надолго там заторчал.*

*Я бы **доку** свои клыки не доверил. Никогда в жизни. Паша, наверное, тоже, но его так разнесло, беднягу.*

*– Пойду к **доку** сдаваться, – сказал нам Паша, и мы его перекрестили. Лучшие сразу выпить цианистого калия и не ходить к нашему **доку**.*

Александр Покровский, «72 метра: Пасть»

(док – усечение от доктор, заимствовано из общего жаргона)

***Зам**, появившись, двинулся назад. В тот день он не осматривал корму.*

*Вечером на докладе от него все чего-то ждали. Всем, кроме командира, было известно, что у **зама** кончились доски.*

*– Александр Николаич, – сказал командир **заму** в конце доклада, – у вас есть что-нибудь?*

*И **зам** встал. У него было что сказать.*

*– Товарищи! – сказал **зам**. – Я сегодня наблюдал вопиющую безответственность! Причем всё делается при непрерывно несущейся вахте. И все проходят мимо. Товарищи! В корме пропали все доски. <...>*

– погоди, – опешил командир (как всякий командир, он все узнавал последним), – какие доски?

*И **зам** объяснил.*

Александр Покровский, «72 метра: Дерево»

(зам – усечение от замполит, представляющего в свою очередь сложное стяжение-усечение от заместитель командира (по политической части); заимствовано из общевойскаго жаргона)

В приведённых отрывках легко заметить лексическую избыточность специализированных номинаций. Автор явно избегает синонимичных им референций, таких как название персонажей по фамилии, имени-отчеству или воинскому званию, хотя текстовое окружение предоставляет ему такую

возможность, так как фамилия старпома (Павлов) и имя и отчество замполита (Александр Николаевич) – автору, безусловно, известны и даже приведены им в порядке цитирования («*Это говорит старпом Попова Павлов*»). То есть для авторского сознания релевантна идентификация героев именно по судовой специальности и никакая иная. Б.Л. Бойко обращает внимание на «наличие стереотипов в речевой практике военных моряков, отражающих коммуникативные потребности общества» [Бойко, 2003]. По всей вероятности, перед нами один из подобных стереотипов, приобретённых в условиях службы на военном флоте. Это предположение подтверждается высокой степенью парцеллированности авторской речи, что сближает её с «рублёным» стилем речи кадровых военных.

Попытаемся в экспериментальном порядке осуществить мену референций:

И Александр Николаевич встал. У него было что сказать.

– Товарищи! – сказал Александр Николаевич. – Я сегодня наблюдал вопиющую безответственность! Причем всё делается при непрерывно несущейся вахте. И все проходят мимо. Товарищи! В корме пропали все доски. <...>

– погоди, – опешил командир (как всякий командир, он все узнавал последним), – какие доски?

И Александр Николаевич объяснил.

Как можно видеть на этом примере, в результате замены корпоративно специфичной номинации собственным именем стиль речи претерпел изменение в сторону литературности и даже официальности. Поскольку «стилистический эффект достигается благодаря тому, что такие термины (и другие, подобные «*заму*»), инородные для литературного языка единицы, которыми изобилуют специальные языковые подсистемы – Н.К.), употребляющиеся в общелитературном языке, не имеют полноценных парадигматических связей с другими словами» [Бондаренко, 2003: 104], этого не столь большого сдвига оказалось вполне достаточно, чтобы текст

стало невозможно отнести к стилю, к которому он принадлежал до этой мены.

Встречаются, однако, и примеры, когда синонимичные референции в авторской речи актуализируются:

*– Пойду к **доку** сдаваться, – сказал нам Паша, и мы его перекрестили. Лучшие сразу выпить цианистого калия и не ходить к нашему **доку**. Начни он рвать зубы манекену – и манекен убежит в форточку. Не зря его зовут «**табуретом**». Табурет он и есть.*

<...>

*– Все! – сказал ему **Табурет**. – Получите, – и подарил Паше его личный осколок.*

Александр Покровский, «72 метра: Пасть»

*Нашего **комдива** – контр-адмирала Артамонова звали или **Артемоном**, или «генералом **Кешей**».*

<...>

*Вышли мы однажды в море на сдачу задачи с нашим «генералом», и была у нас не жизнь, а дикий ужас. Когда **Кеша** в очередной раз полез к нашему боцману, у нас произошла заклинка вертикального руля... <...>*

*Потом **Кеша** что-то гаркнул трюмным, и они тут же обнулили штурману лаг.*

<...>

***Генерал Кеша** побагровел, вскочил и заорал:*

– Штурман! Вы что, рехнулись, что ли? Что вы себе позволяете? Да я вас...

*Не в силах выразить теснивших грудь чувств, **комдив** влетел в штурманскую, увлекая за собой штурмана.*

Александр Покровский, «72 метра: Орден Хрена Лысого»

Из данных примеров мы видим, как употребление флотских прозвищ, помимо указания на место действия (см. раздел 2.1.), ещё раз подчёркивает включённость автора в среду носителей морского корпоративного языка, в которой общепринята и значима идентификация лиц именно таким способом.

Помимо элементов собственно морского корпоративного языка в состав ФТЛ могут включаться элементы территориальных диалектов, соотнесённые с флотской тематикой. Они также выполняют характерологическую функцию, указывая на персонажей как на коренных обитателей ареала бытования данных диалектов. Обширен корпус подобной лексики в романе «Океанский патруль», действие которого разворачивается на Белом море и прилегающих к нему территориях, таких как Мурманск и Архангельск, где употребителен поморский диалект. Например:

В тамбуре молодой матрос в тельняшке, с перекинутым через плечо куцым казённым полотенцем, торопливо досасывал махорочный окурок.

Дав офицеру прикурить, сказал весело:

– Мурманск уже скоро! – Он сказал это на местном наречии, делая ударение на втором слоге, и это решил запомнить Пеклеванный. – Мурмаши проедем, а там...

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

Интересно, что форма *Мурма́нск* зафиксирована в Словаре морского жаргона уже без каких-либо дополнительных помет [Каланов, 2002: 253]. Следовательно, роман помимо прочего является лексикографическим свидетельством того, что данная словоформа заимствована в морской корпоративный язык именно из поморского диалекта.

Подобными свойствами обладает и слово *асей*.

– ...Тогда-то интервенция только-только закончилась, асеи все корабли, почитай, за собой угнали.

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(Подтекстовая сноска: «На русском севере среди коренных поморов до сих пор ещё бытует это слово, которым называют англичан. «Асей» происходит от английского «I say», что значит – «послушай!»»)

– ...*А потом ушли вы на Мурман с **асеями** драться – и как в воду.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

Словарь морского жаргона пометы «из речи поморов» к слову *асей* не даёт [Каланов, 2002: 23], из чего можно сделать вывод, что на момент написания романа (или даже сбора материалов) Пикулем оно находилось «на пути» из поморского диалекта в морской жаргон. Большой словарь русского жаргона фиксирует *асей* в значении «иностранец вообще», притом с пометкой «из речи уголовников» [Мокиенко, 2001: 39]; впрочем, дальнейшее перемещение выходит за рамки настоящего исследования.

ФТЛ может выполнять характерологическую функцию по отношению не только к герою, её употребляющему, но и к герою, относительно которого она употреблена. В данном случае преобладает лексика, указывающая на отношение к морской службе (группа 15 в классификации Орловой) [Орлова, 1984: 36]:

– *Эй, **мазут!** – рявкнул штурман, всё-таки не выдержавший такой неумелости. – **Крыса береговая!** Метай ведро вперёд! Вперёд, по ходу судна! А когда оно, полное, подойдёт к тебе, одним рывком выдерни! Только осторожно! Понял, **мазут**?!*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

Характерологической деталью является также соположение общелитературной и корпоративно специфичной номинации в диалогах персонажей:

– *Мы посреди открытого океана, на **корабле** без связи... – пробормотал Сергей.*

– **Корабли** бывают только **военные и парусные**, – строго поправил его стоящий неподалеку Фабьев. – А у нас **судно**. Понял, салага?

– Ясно, ясно... Василь Василыч, так мы **поплывём**, или будем ждать неизвестно чего?

– **Плавает дерьмо. А моряки ходят**. Эх ты, мазут, ни черта не знаешь... Куда **идти-то**? В какую сторону?

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

– Не могу сказать. Слишком велико расстояние. Могу сказать только, что Тур Ганикт собирается куда-то **плыть**.

– **Идти**, – машинально поправил Фабьев. – **Корабли ходят**.

– **Корабли плавают**, – равнодушно произнес Маммерариана.

– **Ходят**.

– **Плавают**.

– **Ходят**.

– **Люди ходят. Птицы летают. Рыбы и корабли плавают**, – терпеливо объяснил Маммерариана.

– **Птицы летают. Люди и корабли ходят. Дерьмо плавает**, – не менее терпеливо объяснил Фабьев.

Александр Рудазов, «Гайна похищенной башни»

(мор. *ходить* (о судне), *ходить на судне*)

Слово *марсофлот*, приводимое Пикулем, интересно тем, что по контексту невозможно определить, в каком из возможных значений оно употреблено, однако в обоих случаях оно будет выполнять характерологическую функцию. Если имеет место первое словарное значение – «опытный моряк, знающий и любящий море и морское дело», то оно будет являться только предваряющей характеристикой пока не называемого по имени персонажа (шкипера Сорокоумова), ср.:

Мудрый, талантливый человек, хотя и с большими причудами. В старое время даже марсофлоты боялись его, как огня!

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

Если же имеется в виду второе значение – «презрительное прозвище сторонников парусного флота в эпоху оснащения судов паровыми машинами» – то помимо вышесказанного данное слово будет являться биографической характеристикой, означающей, что употребляющий его начальник рыболовной флотилии Дементьев застал времена, когда это значение было актуальным (на что, в частности, указывает его собственная отсылка к «старому времени»).

На основании приведённых примеров можно сделать вывод, что характерологическая функция ФТЛ тесно сопряжена с индицирующей, с той лишь разницей, что единицы в этой функции характеризуют отдельных персонажей, а не ситуацию в целом. Графическое выделение единиц ФТЛ в тексте может служить индикатором, позволяющим уже при беглом рассмотрении предположить, что данные единицы выполняют характерологическую функцию.

2.4. Криптолалическая функция

Эта функция ФТЛ состоит в том, чтобы с помощью непонятных или не вполне понятных читателю языковых единиц придать означаемым этими единицами реалиям экзотичность в сознании читателя. При этом сами номинаты могут быть хорошо читателю известны, но, будучи названы не привычным словом, а агнонимом (незнакомой номинацией), очуждаются, и вокруг описываемого быта создаётся эффект диковины. «Осознание исключительности моряцкого ремесла, бродяжничества по волнам – главное, что всегда отличало мир «тружеников моря» и определяло их поведение и статус. Убеждённость в уникальности своего дела, сплотивавшего тысячи и

тысячи выходявших в море, эти люди ощущали себя обособленными и словно отгороженными от земного удела. Они сосуществовали в своём «цехе», сообществе, известном остальным как непонятный мир моряков и, попадая в бескрайние океанские просторы, как будто обретали особую моряцкую статью» [Копелев, 2013: 343].

Следует отметить, что в «типическую концепцию адресата» [Бахтин, 1996] художественной маринистики владение морским языком не закладывается (хотя и не исключается из неё категорически) – то есть предполагаемый читатель не является моряком. На это указывает, в частности, пояснение авторами тех элементов ФТЛ, чья внутренняя форма невыводима или не до конца выводима из внешней. Это пояснение может осуществляться в рамках самого текста в речи повествователя или персонажей:

*Это наше с Серегой место службы – тральщики бригады **ОВРа**.*

ОВР – это охрана водного района. Как засунут в какой-нибудь «водный район», чтоб их, сука, всех из шкурки повытряхивало, так месяцами берега не видим.

Александр Покровский, «72 метра: Собака Баскервилей»

*– Сергеич, – начал он прямо в острый замовский затылок, – дышите глубже, вы взволнованы. Сейчас я тебя обрадую. Только что с берега передали. К нам завтра на борт прибывает маршал Чойбалсан со своей сворой. Так что пишите лозунги о дружбе между нашими флотами. Кстати, твои «**козлы**» умеют играть монгольский гимн?*

*«**Козлами**» старпом называл корабельный духовой оркестр.*

Александр Покровский, «72 метра: Маршал Чойбалсан»

Когда была доедена каша, дядя Софрон взял Серёжку за локоть и сказал:

*– Ну, вот, а теперь пойдём на **сковородку**.*

«Сковородкой» оказалась штурманская рубка. Капитан сидел в глубоком кресле, овеваемый струей электрического ветрогона, и перелистывал «Мореходные таблицы» за 1943 год.

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

– У вас, сухопутной публики, довольно путаное представление о таких вещах. **Корсары** вовсе не **пираты**.

– Разве они не грабят корабли?

– Разумеется, грабят.

– В чём же разница?

– В том, что захваченного **пирата** вешают на рее, а **корсар** считается военнопленным. Потому что **корсары** грабят лишь те корабли, что ходят под вражеским флагом. Чтобы стать корсаром, нужно иметь патент от адмиралтейства. Получить его может далеко не всякий.

Борис Акунин, «Сокол и Ласточка»

– А что это за **вододуй**?

– А это, девонька, такая хреновина вроде нагнетательного насоса. Устанавливается на корме, и выбрасывает из себя воду, позволяя судну двигаться в противоположном направлении. Типа каракатицы.

Александр Рудазов, «Тайна похищенной башни»

Другой способ введения морских агнонимов в контекст – их пояснение может даваться автором в подтекстовых сносках:

– В Метхенберг стоят шесть десятков **линеалов** трёх старших рангов, не считая малых судов.

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

(Подтекстовая сноска: «**Линеал** – линейный корабль»)

*Машина работала на самом малом ходу. Гена с Валерой уже разматывали якорную цепь возле **клюза**.*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

(Подтекстовая сноска: «*Клюз* — отверстие в передней палубе или справа в носовой части, сквозь которое проходит якорный канат или цепь».)

*Вообще-то, эта штучка даже лучше нормального компаса — простенькая такая, не ломается, показывает всё точно. А вот с магнитным компасом было сложно — **склонение** рассчитай, **девиацию**...*

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»

(Подтекстовые сноски: «*Магнитное склонение* — угол между направлениями на магнитный и географический полюса», «*Девиация* — отклонение подвижной системы компаса от направления на магнитный полюс.».)

Пояснение может быть также оформлено в виде концевых сносок. В таких случаях формируется глоссарий, куда вносятся словарные статьи по агнонимам (см., например: [Пикуль, 1957]).

Как и эмпатическая, криптолалическая функция ФТЛ тесно коррелирует с игровой функцией, выполняемой в речи единицами морского корпоративного языка, в особенности жаргонными. В этом случае пояснения агнонимам может и вовсе не даваться, как в данных примерах:

— Хорошо, дочка, буду по пословице держать голову наклонно, а сердце покорно. И ты ещё, погоди, полюбишь меня, за что Иван Грозный полюбил Ченслера, — за ум и длинную бороду. Только и у меня будут условия.

— Какие?

*— Задаток, капитанская фуражка с **капустой** впридачу и команда та, которую я пожелаю.*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*капуста* – метафора по внешнему сходству: герб на лбу фуражки или бескозырки)

*– Есть, – ответил дядя Софрон и крепко взял юношу за плечо, точно боялся, что тот сбежит. Идя по палубе, он говорил ему на ухо: – Чернослив любишь? Вот сейчас я пошлю тебя на **чернослив**. Не работа, а сплошное лакомство. Лезь!*

Валентин Пикуль, «Океанский патруль»

(*чернослив* – метафора по цвету: каменный уголь)

Во втором примере выполняется также и эмпатическая функция, поскольку Сергей Рябинин, к которому обращается дядя Софрон, является, как уже говорилось, новичком на флотской службе, следовательно, знаком с морским корпоративным языком едва ли лучше читателя. Встречая непонятные номинации, читатель эмпатически испытывает то же, что и герой.

Таким образом, если ФТЛ в индицирующей функции преследует цель показать реалии флотской жизни через призму обыденного сознания и приблизить читателя к пониманию (хотя бы в общих чертах) изображаемых автором событий, чьими героями являются моряки, то ФТЛ в криптолалической функции решает противоположную задачу. Более или менее знакомые предметы и явления, описанные на чуждом языке, начинают восприниматься читателем как нечто новое и неизвестное.

Подводя итог, можно констатировать, что индицирующая функция является для ФТЛ наиболее базовой. Все прочие функции состоят с ней в диалектических отношениях, будучи противопоставлены по тому или иному параметру: сообщаемое (информация-эмоция) для эмотивной, объект характеристики (ситуация-персонаж) для характерологической, коммуникативная цель (узнавание-очуждение) для криптолалической функции.

Глава 3. ВЫМЫШЛЕННАЯ ФЛОТСКАЯ ЛЕКСИКА

«Современный мир всё более и более увлекается жанром фэнтези в самых разнообразных его проявлениях: литературные произведения, кинофильмы, видеоигры, основанные на классических сюжетах фэнтези» [Мисник, 2006: 3]. Такой широкий спектр художественных средств даёт даже право говорить о фэнтези как о метажанре, причём, возможно, одним из старейших в своём роде, и определяющим в его характеристике является понятие фикционального (вымышленного) мира. «Рассматривая понятие возможного (т.е. логически непротиворечивого, но не обязательно существующего в действительности – Н.К.) мира, Дж. Лайонз указывает, что каждый естественный язык предоставляет своим носителям средства для идентификации мира, актуального в момент речи, и средства для обозначения сущностей и веществ в любом из этих миров. Это достигается с помощью индексов, которые идентифицируют различные миры. Под индексом понимается любое из средств, используемое для идентификации и распознавания различных миров» [Там же: 8]. Очевидно, что одним из первичных и наиболее естественных таких средств будут являться языковые знаки различных типов. «Авторская номинация осуществляется через описание фантастических существ, предметов, событий, с помощью эпитетов, цветообозначений, сравнений, метафор, синтаксических (инверсия, повтор, параллельные конструкции) и графических (курсив, написание с заглавной буквы) стилистических средств» [Там же: 14].

Особенности порождения и дальнейшего функционирования единиц ФТЛ, обслуживающих флотские реалии фикционального мира, будут рассмотрены нами на примере текстов, принадлежащих к четырём разновидностям метажанра фэнтези. Эта принадлежность, как будет продемонстрировано в дальнейшем, играет важную роль в определении специфики используемой в них ФТЛ.

Цикл В.В. Камши «Отблески Этерны» представляет собой образец псевдоисторического фэнтези – поджанра, где повествование о вымышленном мире ведётся в реалистическом ключе, а события в большей или меньшей мере повторяют те, что имели место в реальной истории. Магия и сверхъестественные явления не являются широко распространёнными в мире произведения, хотя во многом именно причины, по которым они набирают силу, оказываются ключевым элементом сюжета [Невский, 2005а].

Цикл А.В. Рудазова «Архимаг», получивший название по заглавию первого романа, на протяжении девяти томов прошёл эволюцию от героического фэнтези до эпического с элементами философского. С героическим фэнтези его роднят «красочные описания почти непрерывных битв супервоина с бесчисленными ордами врагов, причудливая магия» [Невский, 2004], а с эпическим сближают чётко структурированный, многогранный фикциональный мир и масштабность описываемых событий [Невский, 2005b]. Дилогия того же автора «Мудрецы» являет собой классический образец «литературы попаданцев», описывающей перенесение героев во времени и/или пространстве (в прошлое, будущее, параллельный мир или из оных – в обычный) и дальнейшие приключения их на новом месте, главным образом попытки вернуться домой [Невский, 2013].

Цикл Макса Фрая (псевдоним С.Ю. Мартынчик) «Лабиринты Ехо» и продолжающий его «Хроники Ехо» в полной мере укладываются в понятие философского фэнтези, где соответствующий антураж является лишь фоном для живописуемых мировоззренческих коллизий.

Частотность различных типов вымышленной лексики в исследованных произведениях представлена в таблице 1.

Таблица 1. Сводная таблица вымышленной ФТЛ в текстах циклов.

	Типы номинатов	Отблески Этерны	Архимаг	Мудрецы	Лабиринты Ехо/Хроники Ехо
Собственные имена	Навионимы	78	29	2	3
	Гидронимы и гидротопонимы	18	25	12	5

	Флотские прозвища лиц	6	2	1	0
Нарицательные имена	Наименования типов и классов судов	3	10	0	5
	Названия частей и деталей судна	0	0	3	1
	Названия флотских воинских званий, судовых специальностей и должностей	1	1	3	1
	Названия обстоятельств мореплавания, ветров и течений	4	0	0	0
	Названия морских животных	3	6	1	0
	Названия флотских суеверий и обычаев	1	0	0	0
	Прочие специальные понятия	8	0	0	0

Как можно заключить из таблицы, подавляющее большинство вымышленной лексики в фэнтези составляет ономастикон: имена морей и рек, на которых происходит действие романов (гидронимы), иных объектов гидрографии, встречающихся героям в плавании (гидротопонимы), прозвища, даваемые героями-моряками тем или иным лицам, но в первую очередь – собственные имена конкретных судов (навионимы). Этому, как представляется, есть три причины: во-первых, обширность фикционального мира и необходимость снабдить читателя способами ориентации в нём; во-вторых, необходимость дать имена тем объектам вымышленного мира, которые имели бы их и в реальности; в-третьих, обилие на страницах циклов батальных сцен, в том числе и морских, и необходимость адекватно передать

диспозицию войск, неоднократно меняющуюся в ходе боя. Это последнее релевантно не для всех поджанров; так, например, в цикле о Ехо преобладание онимов уже не является столь значительным, кроме того некоторые из них употребляются в контекстах, не связанных с мореплаванием:

В старые времена можно было пойти на Сумеречный рынок и купить кувшин воды из моря Укли, за бешеные деньги. Именно ею и полагается поливать горячие головы храбрых путешественников на Тёмную Сторону!

Макс Фрай, «Тёмные вассалы Гленке Тавала»

Влияние конкретных жанров фэнтези на выполняемые ФТЛ функции будет рассмотрено ниже.

3.1. Вымышленные собственные флотские имена

Имена судов и кораблей (навионимы), ходящих по морям и рекам вымышленного мира создаются, как правило, одним из трёх способов. Первый из них – **онимизация апеллятива**, продуктивные схемы которой таковы:

- «одиночное нарицательное существительное → навионим» («Змей», «Удача», «Чайка», «Мориск», «Дикарь», «Кашалот», «Лоцман»);
- «нарицательное существительное + прилагательное → навионим» («Морская пантера», «Влюблённая акула», «Морское чудо», «Великий водоход», «Бурунный Шип»);
  - в том числе случаи, когда прилагательное является притяжательным («Бордонский лев», «Гнев Господень», «Иххарийский ветер»);
  - частный случай – онимизация календарного понятия («Зимняя молния» – месяц Зимних Молний в традиционном

календаре мира «Отблесков Этерны» приблизительно соответствует реальному марту);

- «нарицательное существительное с прямым дополнением → навионим» («Гончая смерти», «Сердце волн», «Победитель дракона», «Свет утра», «Острие копья»);

- в том числе случаи, когда функцию дополнения выполняет оним в родительном притяжательном («Меч Бордона», «Звезда Талига», «Красавица Фельпа», «Память Каделы», «Гордость Эйрехта», «Слава Разера», «Крыло Тандахака»).

Онимизации могут также подвергаться нумеративы (разборные галеры-ызарги в ОЭ пронумерованы от «Единицы» до «Девятки»). У Рудазова находим единственный случай онимизации прилагательного с прямым дополнением:

Семь альдарей приземлились на выжженную почву, покрытую снегом и пеплом. Только семь. «Крыло Тандахака», «Кашалот», «Бивень моржа», «Иххарийский ветер», «Не видящий берегов», «Ледяная скала» и «Великий водоход».

Всё, что осталось от Бессмертной Эскадры.

Александр Рудазов, «Заря над бездной»

Другой продуктивный способ образования вымышленных имён судов – **трансонимизация** готовых собственных имён, продуктивные для фэнтези схемы которой таковы:

- «топоним → навионим» («Марикьяра», «Азмарен», «Алвасете», «Ноордкроне»);

- «абстрактное имя лица → навионим» («Аглая», «Микаэла»)

- «имя конкретного лица → навионим» («Франциск Великий», «Святая Урфрида», «Манлий», «Фило», «Тивилдорм», «Скарп Циклон», «Виндомадог Штурвал»).

В последнем случае данное лицо может упоминаться на страницах произведения как мотивирующее намионим слово:

*Крошечная спальня, творение рук сэра **Фило Мелифаро**, конечный итог многовековой мудрости Ордена Потаенной Травы, оказалась тем самым убежищем, полным уютного покоя, которого мне так не хватало в последнее время.*

Макс Фрай, «Корабль из Арвароха и другие неприятности»

Они вошли в полутёмный зал, и шпионка невольно отшатнулась — фигура, стоявшая там, смотрелась довольно жутковато.

*Точнее, не стоявшая, а висевшая. Химмаль сразу же поняла, кто это — **Тивилдорм Призрак**, самый древний и легендарный из всех серых колдунов. Четыреста лет назад он был главой Совета, даже более сильным, чем Бестельгосуд Хаос. Именно **Тивилдорм Великий** в свое время пытался распустить Совет, перейдя от либеральной магократии к единоличной диктатуре.*

Александр Рудазов, «Серая чума»

*– Барон вернулся домой. Вскоре у них родилась двойня, и с тех пор в этом семействе время от времени рождаются близнецы. Как видите, дети мои, ничего страшного и таинственного в истории Валтазара нет и быть не может. Когда свет олларианства разогнал сумерки эсператизма, **Франциск Великий** повелел не трогать злополучные сосуды, дабы призрак Валтазара стал вечным напоминанием о корысти и лживости эсператистов, – олларианец поджал губы, пряча неуместную ухмылку.*

Вера Камша, «Лик победы»

Если этого не происходит, то при отсутствии контекстных пояснений иногда представляется затруднительным отнести намионим к этой категории или же к предыдущей, например:

*На чёрной, дышащей холодом воде плясали обломки, бочонки, ящики, перевёрнутая гичка, потом в тёмном провале показалось бледное, спокойное лицо, на шее болтался офицерский знак. Для артиллериста с «**Мариин-Фредерики**» сражение кончилось.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

Само собой разумеется, что суда нарекаются именами объектов, присутствующих именно в вымышленном мире произведения.

Третий способ создания собственных имён – **конструирование оригинальных онимов**. Разумно предположить, что у такой предельно незнакомой читателю лексики преобладающей функцией является криптолалическая. При этом следует различать полную непроизводность, когда автор обозначает вымышленную реалию более или менее случайным набором звуков, руководствуясь лишь соображениями благозвучности, и отсутствие эксплицированной мотивации, когда контекст даёт основания предполагать наличие у имени внутренней формы, но сама она автором не поясняется. Так, например:

*На носу флагмана «**Миракулис**» неподвижно стоит высокая тощая фигура. В полумраке, рассеиваемом лишь топовыми огнями на мачтах, её волосы кажутся обычного серого цвета, но на самом деле они покрыты белоснежной сединой.*

<...>

*Кроме самого Астарона «**Миракулис**» везёт ещё две с лишним сотни пассажиров. Очень необычных пассажиров – даже по стандартам Серой Земли.*

<...>

*Якорная цепь с лязгом пошла вдоль борта. Альдарея «**Миракулис**» мягко ткнулась носом в причал и замерла.*

По трапу степенно спускается седовласый колдун в сером плаще.

Александр Рудазов, («Война колдунов: вторжение»)

Кок альдарей «Наповьювац» встал у борта, свесив голову вниз. Вечернюю тишину взбудоражили рвотные позывы.

<...>

Колдун зло зыркнул в ту сторону. Да, передовые корабли арьергарда осаждены эйстами. Два гигантских океанических червя прошли прямо у кормы альдарей «Тенокчтелан» и обстреляли её крутым кипятком, сварив заживо всю команду.

Александр Рудазов, («Война колдунов: штурм цитадели»)

С одной стороны, внутренняя форма как будто прослеживается: «Миракулис» можно возвести к латинскому *miraculum* – «чудо», «Тенокчтелан» – к имени ацтекского полуса Теночтитлана. Однако оснований к этому не даёт сюжет произведения – действие происходит в параллельном мире, не связанном с реальной Землёй, и если смысловые и лексические аллюзии в описании его строения имеют место (о них ниже), то мотивационно-деривационные отношения между объектами реальной действительности и номинациями действительности фикциональной установлены быть, конечно, не могут. С другой стороны, все прочие суда, принадлежащие тому же вымышленному государству, названы автором вполне мотивированными именами, построенными по описанным выше моделям, что заставляет предположить наличие в рамках вымышленного мира мотивации и у имён этих трёх кораблей. Разгадка видится опять-таки в сюжете произведения. В момент упоминания этих трёх судов владеющее ими государство (Серая Земля) является чужим и враждебным по отношению к главным героям, поэтому реалии его должны быть описаны с помощью экзотической лексики [Крысин, 2004: 61–64]; таким образом, оригинальные онимы выполняют ещё и эмпатическую функцию. В дальнейшем герои сами приходят к власти в этой стране – соответственно должны измениться и способы формирования связанных номинаций, дабы те приобрели знакомое и

понятное звучание. Многие онимы даже начинают «переводиться» самим автором с вымышленного языка фикционального мира на язык произведения, то есть русский:

Секунду спустя тот со всего размаху врезался в огромный риф, торчащую из воды скалу, носящую имя Цекамора Лурида, что на языке серых означает «Клык Океана».

Александр Рудазов, («Битва полчищ»)

В таких случаях индицирующая функция ФТЛ начинает преобладать над периферийными. Подобные примеры того, как непроизводное с точки зрения системы языка имя обретает мотивацию внутри вымышленного мира, особенно частотны у Рудазова. Приведём несколько наиболее характерных примеров:

– <...> **Остров Межгшхр** еще называют **Островом Семи Герцогств** – нетрудно догадаться за что.

– Ну и названьице у этого острова, – хмыкнула Ванесса. – Гласные тогда в дефиците были, что ли?

– Когда-то он носил другое название. Но в тысяча двести восьмом году его завоевало королевство Миуни, практически истребив местное население, а спустя ещё двадцать лет новые поселенцы отказались подчиняться метрополии, провозгласив собственное королевство. В Миуни в то время как раз вспыхнула череда восстаний черни, и отделение прошло на удивление гладко. Но новое королевство тоже продержалось недолго – в тысяча двести тридцать шестом году оно раскололось на семь больших герцогств. Тогда же острову и дали новое название – по первым буквам названий новых герцогств.

– М-да? – вяло переспросила Вон. – М-е-ж-г-ш-х-р... Нет, подожди-ка! Шутумо понятно, а откуда взялся Лоин? Нет там буквы «л»!

– В тысяча четыреста семидесятом году герцогство Ельвер получило название Лоин, – без запинки ответил паладин, словно прилежный ученик. –

Сначала герцоги хотели переименовать и весь остров, но потом решили оставить всё как есть.

Александр Рудазов, («Рыцари Пречистой Девы»)

– **Воровва**... – наморщил лоб подросток. – Воровва – это самый большой наш порт на Готиленсе. После столицы, конечно. Её ещё называют **Речным Ключом** – здесь сходятся два притока, и форт – во-о-он тот, башенки уже видны – целиком блокирует любой проход.

Александр Рудазов, («Война колдунов: вторжение»)

Это явление можно назвать **метааллюзией**, подробнее оно рассмотрено в разделе 3.3. Однако, как видим из примеров выше, более частотным является всё же создание собственных имён по реальным моделям, свойственным русскому языку. Причина этого, как представляется – в необходимости сформировать и поддерживать единство фикционального мира за счёт установления между его объектами таких же связей, которые наличествуют между подобными объектами в мире реальном. Путём этого несколько ограничивается экзотичность, которую вымышленный мир фэнтези имеет в глазах читателя; автор делает свою вселенную понятной ровно настолько, чтобы она не переставала отличаться от обыденной.

3.2. Вымышленные нарицательные имена

Эту группу лексики следует в первую очередь разделить на две подгруппы:

1) вымышленная лексика, называющая объекты, аналогичные или схожие с теми, что наличествуют в реальном мире;

2) вымышленная лексика, чьи номинаты не имеют аналогов в реальном мире.

Распределение этой лексики по жанрам фэнтези опять-таки во многом зависит от особенностей самих этих жанров. Так, можно проследить, что для псевдоисторического и близкого к нему эпического фэнтези характерна тенденция к созданию оригинальных авторских наименований для объектов, имеющих аналоги в реальном мире:

– В Метхенберг стоят шесть десятков **линеалов** трёх старших рангов, не считая малых судов.

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

(в подтекстовой сноске поясняется: «*Линеал* – линейный корабль»)

Чуть южнее начиналась гавань – там стояли пять исполинских драккаров клана Огненной Горы. Разумеется, на дайварани эти суда называются по-другому. А именно – **лэцар-вешап**, «корабль-дракон». То есть – драккар.

Александр Рудазов, «Серая чума»

Для литературы «попаданцев» это также релевантно:

Жадные глаза пиратов безошибочно выдавали их намерения. К тому же вдоль бортов стали подниматься странные штуковины, похожие на гарпунные пушки.

– Ридас хин склопедрагх ин щаала зи ворм туду, ханни ло!.. – выкрикнул здоровяк.

– Бросайте якорь, или наши **склопедраги** пустят вас ко дну, – перевёл Чертанов.

– Склопедраги – это вот эти хреновины? – любопытствовал Колобков. – А чем они стреляют?

Александр Рудазов, «Тайна похищенной башни»

Причина этого сходна с причиной преобладания онимов с внутренней формой над оригинальными. Однако существуют особенности,

коррелирующие с конкретным жанром фэнтези. Так, в философском фэнтези, примером которого является цикл о Ехо, номинаты данных лексических единиц могут даже не описываться как незначительные для сюжета, так что отнесение их к той или иной группе представляется затруднительным:

– А **«шиikka»** – это что, такая разновидность корабля? – вежливо спросил я.

– Ага. Самая быстроходная и маневренная. И не совсем то, что требуется для приятной поездки, можете мне поверить! В свое время меня занесло на укумбийскую **шикку**, и я проклял тот день, когда меня угораздило затеять эту дурацкую свистопляску с кругосветным путешествием. Если бы мне не удалось в ближайшем порту пересесть на нормальную трехмачтовую **каруну**, снабженную несколькими магическими кристаллами, этот Мир лишился бы четырех из восьми томов моей грешной энциклопедии и меня самого заодно...

Макс Фрай, «Тень Гугимагона»

– В таком деле нужна удача, а уж ее у тебя хватит на целую флотилию! И самое главное: с твоей помощью мы могли бы догнать кого угодно, в том числе и тот ташерский **фафун**, который вчера полдня маячил на горизонте... Ох, такая хорошая добыча от нас ушла – сердце кровью обливается!

Макс Фрай, «Сладкие грёзы Гравви»

Лексика героев-моряков в фэнтези, как правило, богата образными выражениями, связанными с морской живностью и сверхъестественными персонажами суеверий:

Но даже без пушек галеас опасен. Он идёт к обычной галере и разламывает её, как **тибур** перекусывает селёдку.

Вера Камша, «Лик победы»

(в подтекстовой сноске поясняется: «*тибур* – крупная хищная рыба».
Ср. исп. *tiburón* – акула)

– *Аппетит приходит с едой, – сообщил Рокэ. – Я так понимаю, что, будучи озабочены исходом штурма, вы позабыли о наживке.*

– *Три тибура на ваш гарпун! Других дел у меня не было!*

Вера Камша, «Лик победы»

(ср. популярное в художественной литературе «*акула вам в глотку/бок*»)

*Палубу драили до тех пор, пока не увидели собственных отражений. Металлические части тоже отшлифовали до блеска – особенно якорь. Беда, если капитан окажется недоволен своим новым судном – тут линьками не обойдётся. Сразу отправят на дно – **передавать привет Ктулху.***

Александр Рудазов, «Война колдунов: штурм цитадели»

В подобном же контексте зачастую реализуются потенциальные связанные сочетания, которые не функционируют в реальном флотском словоупотреблении, но создаются автором в соответствии с актуальными правилами русского языка из реальных лексических единиц. Например, в «Отблесках Этерны» объектом фразеологизации становятся *краб* и рыба *зубан*. При этом последний является функциональным аналогом чёрта в выражениях типа «*зажри/заешь кого-л. зубан*», «*отправить к зубанам*» (т.е. на дно), «*к зубаньей бабушке*», «*укуси меня зубан!*» и т.п.:

*Беглый осмотр галеасов показал, что адмирал, скорее всего, **кормит зубанов.** Затем маршал заметил ещё два флагманских флага и расхохотался.*

Вера Камша, «Лик победы»

– *Укуси меня зубан, если они рискнут на abordаж.*

– На абордаж пойдём мы, – веско произнес Фоккио Джильди.

Вера Камша, «Лик победы»

Краб же чаще становится объектом нелицеприятного сравнения:

*Этого долговязого вяленого ублюдка селёдки и краба Добряк ненавидел всеми фибрами души. Не понимающий ни уха ни рыла в морском деле болван начал с того, что спутал бак с ютом, поналепил на трюмные люки дурацких печатей и, наконец, облевал нагло занятую шкиперскую каюту. Салака тухлая! Клюгкатер был добрым эсператистом и не желал ближним зла, он просто хотел, чтоб **крабье отродье** поскользнулось на собственной блевотине и разбило свою пустую башку.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

– Юнга, – гаркнул шкипер, – живо, **крабий пащенко!**

– Здесь юнга, – на военный манер завопил Питер.

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

Два этих существа сближаются также в словосочетании «кормить зубанов» – «кормить крабов (вариант: омаров)», т.е. находиться на морском дне, числиться утонувшим. Аналогичной зубану фразеологической сочетаемостью обладает *крабья тёща*, к которой можно *отправить(-ся)* и которую можно *тешить* (что опять-таки означает «утонуть»):

*«Хитрый селезень» послушно и весело приводился к ветру, он не хотел к **крабьей тёще**, он хотел в гнездо.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

*Нельзя возвращаться на корабль со всеми деньгами, море скаредов не терпит: не поделишься с трактирищиком, отдашь всё **крабьей тёще**.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Яд минувшего»

*– Кончай дрыхнуть! Зевакам тут одна дорожка – **крабью тёщу тешить!** – Юхан орал скорей для порядка, моряки и сами понимали, что от них зависит.*

Вера Камша, «Сердце Зверя. Синий взгляд смерти: Закат»

Актуализируемые подобным способом потенциальные сочетания являются своего рода авторским компромиссом между реальными фразеологизмами (которые не могли бы выполнять функцию индикации вымышленного мира) и абсолютно оригинальными лексическими образованиями (которые не были бы понятны читателю, а следовательно, не могли вызывать у него соответствующие авторской интенции эмоции). Также, как и любые жаргонные элементы ФТЛ, они выполняют характерологическую функцию по отношению к употребляющим их персонажам.

В некоторых случаях нарицательные имена принимают графический вид, уподобляющий их именам собственным:

*– Ваше появление на моём корабле – это знак судьбы. Лицо дня, дарующее передышку, и лицо ночи, несущее смерть, – я и мечтать не мог о подобной встрече! Недаром сердце гнало меня в этот поход... Добро пожаловать на палубу «Бурунного Шипа», под светлую полу плаща Завоевателя Арвароха. Мой **Усмиряющий Воды** покажет вам всё, что вас интересует. Вы вольны делать здесь всё, что вам заблагорассудится.*

Макс Фрай, «Корабль из Арвароха и другие неприятности»

(*Усмиряющий Воды* – номинация в романе не поясняется; вероятно, штурман или судовой волшебник – Н.К.)

*На носу каждой триремы стоял факельщик. И как только воздух начал светлеть, а впереди показалось необычное белое судно, они немедленно замахали своими орудиями вверх-вниз, передавая сигналы от корабля к кораблю. **Наместник Эскадры**, опёршийся на фальшборт, пристально следил за приближением врага. А все **Наместники Кораблей** не*

менее пристально следили за ним – как только командир махнет рукой, надо начинать атаку.

Александр Рудазов, «Три мудреца в одном тазу»
(*Наместник Эскадры – адмирал, Наместник Корабля – капитан – Н.К.*)

Такого рода лексика выполняет преимущественно криптолалическую функцию. Внутренняя форма номинаций прослеживается довольно легко, тем не менее, они всё же отличны от номинаций, функционирующих как в литературном языке, так и в реальной морской корпоративной языковой подсистеме.

3.3. Механизмы порождения вымышленной тематической лексики

Вообще создание как онимов, так и апеллятивов, обозначающих реалии вымышленного мира, зачастую имеет сложный механизм. Выше мы приводили примеры авторской *метааллюзивности*, демонстрирующие сложный путь, которым проходит мысль писателя при создании вымышленной ФТЛ. Причины такой высокой сложности путей конструирования вымышленной лексики заключаются в авторской интенции относительно восприятия текста читателем.

Так, в мир произведения могут вводиться на правах экзотической лексики элементы реально существующих языков, живых или мёртвых. Это, как справедливо отмечает Л.П. Крысин, говорит «о хорошем знакомстве пишущего с иным языком и иной культурой, об отсутствии своеобразного порога, превращающего иной язык и иную культуру в чужие и даже чуждые» [Крысин, 2004: 39], и особенно продуктивно (хотя и не является обязательным) в псевдоисторическом фэнтези, государства и нации в мире которого имеют более или менее легко прослеживающиеся параллели в мире реальном.

Так, например, основное действие цикла «Отблески Этерны» происходит в королевстве Талиг, являющемся аллюзией на Священную Римскую и Российскую империи (что можно утверждать, исходя из происходящих по сюжету событий). Основная масса главных героев является подданными Талига – по этой причине большинство талигойских номинаций имеет внутреннюю форму на русском языке как языке предполагаемого «по умолчанию» читателя, либо не имеют её вовсе. Однако в лексике (главным образом, ономастической) сопредельных Талигу государств и даже герцогств-провинций внутри него самого легко угадываются основные европейские государства и нации. Так, номинации, относящиеся к кесарии Дриксен, герцогству Придда, вассальным Талигу землям Бергмарк и Марагона имеют немецкую или даже старогерманскую этимологию, ср.:

– *«Король-лебедь», – принялся вспоминать Салина, – «Святая Урфрида», «Гнев Господень», «Зиглинда», «Кесарь Хлодвиг», «Слава варитов»...*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

(*кесарь* – титул дриксенского монарха, явно избранный по созвучию с нем. *Kaiser*)

– *Конрока, – подхватил Антонио Бреве; о врагах говорит второй адмирал, так повелось от века. – В Метхенберг стоят шесть десятков линеалов трёх старших рангов, не считая малых судов.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

(нем. *Mädchenberg* – девичья гора)

– *Кальдмеер тянуть не станет. – Капитан флагмана был чистокровным марикьяре и при этом солнечным блондином. – Он снимется с якоря при первой же возможности.*

– *Шестнадцать кошек ему в помощь, – пожелал Вальдес. – Давненько я не встречал господина адмирала цур зее.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

(адмирал *цур зее* – высшее флотское воинское звание Дриксен; ср. нем. *Kapitan zur see* – капитан первого ранга)

Союзный Талигу вольный город Фельп отсылает к итальянским городам-республикам Возрождения. Основанием для этого утверждения опять-таки служит топонимикон:

– Утро, – бодро ответил подрастающий изверг, отдергивая портьеру и впуская в увешанную нахальными ундиными спальню еще более нахальный солнечный луч. – Монсьенор ждёт. Мы едем в **Байябьянку**.

– Это еще что за тварь? – протонал Валме, совершенно не нуждаясь в ответе, но Герард жизнерадостно сообщил:

– **Бухта**. Чуть в стороне от Приморского тракта, два часа рысью. Принести вам шадди?

Вера Камша, «Лик победы»

(ит. *baia bianca* – белый залив)

С вершины Аллистады открывался прекрасный вид на Деормидский залив до **Монти-Остро** и дальше.

Вера Камша, «Лик победы»

(ит. *monti ostri* – южные/пурпурные горы)

Заимствования из испанского языка в «Отблесках Этерны» прослеживаются в лексике (в том числе нефлотской) почти всех вымышленных государств. Это может объясняться внутренней логикой фикционального мира, где важную героическую и даже отчасти мессианскую роль играют уроженцы герцогства Кэналлоа, соотносимого с реальной Испанией. Испанизмы в «Отблесках Этерны» являются производящими для самых различных тематических групп вымышленной ФТЛ: ср. талигойские корабли «Алонсо» (трансонимизация испанского имени; испанские имена

носят все герои-кэналлицы), «Соберано» (исп. *soberano* – государь). Ещё один пример метааллюзии:

«Влюблённая акула» не просто избежала осенних штормов, карауливших у Астраповых Врат наглецов и безумцев. Изменивший вековой привычке «кэналлиец» домчал фельдцев до Хексберг за двадцать пять дней и стих только у скал Штернитайнен.

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

(Подтекстовая сноска: *кэналлиец* – сильный южный ветер)

В Словаре ветров [Прох, 1983: 9, 82] находим синонимичное «испанский ветер» (ван д’эспань, *vent d’espagne*). Помимо аллюзии на объект реального мира, совпадает принцип метонимизации «обитатель, уроженец местности → ветер, дующий из этой местности».

Наиболее сложную структуру генезиса имеет дриксенское разговорное слово *фрошер*. Оно дефинировано автором во внутритекстовой сноске:

«Лягушатники» – презрительная кличка талигойцев. Сродни штольцфрошзигер (счастливый победитель лягушек), фрошзигер (победитель лягушек), намёк на герб Талига.²

Вера Камша, (Зимний Излом: из глубин)

Слова *Froschsieger, Stoltzfroschsieger* (от нем. *Frosch* – лягушка, *siegen* – побеждать, *stoltz* – гордый) являются потенциальными в немецком языке – не зафиксированы в словарях, но сконструированы согласно нормам и правилам этого языка и в таком виде перенесены автором в фикциональный мир, где выполняют функцию своеобразных экзотизмов. Из приведённой сноски понятно, что изначально в рамках мира слово «фрошзигер» имеет именно значение «талигойский герб», «талигойский флаг», ср.:

– Что же, – фок Шнееталь смотрел на сцепившиеся эскадры с какой-то смесью досады и восхищения, – там высадка пока отменяется. Жаль,

---

² На гербе Талига изображён всадник, поражающий дракона – Н.К..

Вальдес ходит под «Фрошзигером». Я б не отказался сменять его на Вернера.

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

«Фрошер» образуется от «фрошзигер» с помощью усечения – и метонимически переносится с самого герба (флага) на суда, которые под ним ходят, и войска, которые под ним сражаются:

***Фрошер** вновь дохнул дымом, раздался и стих уже знакомый вой, на сетку рухнуло с десятков обломков, бежавший по шканцам матрос остановился и затряс головой.*

<...>

Корабль лихорадочно одевался парусами, а Юхан столь же лихорадочно соображал, куда податься. Развернуться и рвануть в открытое море? Увы, зоркий глаз капитана разглядел мористее приближающейся колонны что-то очень похожее на паруса...

*Так и есть, **фрошеры!** Ну и что, что мельче главных, с «Селезня» и фрегата хватит.*

Вера Камша, «Зимний Излом: Из глубин»

*Смерть от рук врага Бермессера лишь возвысит, но мразь ещё может выкарабкаться. Если **фрошеры** снова сочтут, что плещущийся в луже адмирал цур зее им выгоден...*

Вера Камша, «Сердце Зверя. Синий взгляд смерти: Закат»

Ещё одно слово со сложноконтаминированным механизмом образования – имя талигойского корабля «*Алвасете*». Оно образовано путём трансонимизации от названия одноименного вымышленного города – столицы герцогства Кэналлоа. Это название, в свою очередь, является дериватом от фамилии правящих этим регионом герцогов Алва, а также аллюзией на реально существующий в Испании регион Альбасете.

Представляется правдоподобным, что причины использования подобной национально-специфичной вымышленной лексики заключаются как раз в стремлении автора провести легко заметные читателю параллели между вымышленными и реальными государствами, сохранив при этом национальный колорит.

Читательское узнавание может достигаться и другими способами. Два навионима в «Архимаге» являются несомненными *литературными реминисценциями*:

*В порту Живада высадилася корвет «свет Утра», в прошлом году отплывший из пррат Дивеира на запада. То, что он вернулся с востока. Лишний раз доказывает истинность открытия супруга Луньяор – мир действительнон имеет вформу куриного яйца. Невероятно, но так.*³

Александр Рудазов, «Рыцари Пречистой Девы»

Данное имя отсылает к роману К.С.Льюиса «Плавание «Утренней зари» (в ином переводе «Покоритель зари» или плавание на край света»), где герои пускались в путь на одноименном судне. А названия флагмана серого флота «*Капитан Кровь*» и пришедшего ему на смену «*Адмирал Кровь*» являются аллюзией на капитана Блада Р.Сабатини (англ. *blood* – «кровь»), хотя имеют внутреннюю форму и с внутритекстовой точки зрения:

Древесина фаархи – кроваво-красного цвета. И название Асанте Шторм выбрал кораблю соответствующее – «Капитан Кровь».

Александр Рудазов, «Серая чума»

Подводя итоги, следует признать, что в вымышленной ФТЛ реализуются преимущественно индицирующая и криптолалическая функции. С одной стороны, вымышленная лексика является указанием на то, что действие происходит в мире, кардинально отличном от реального. С другой –

---

³ Орфографические ошибки имеют сюжетное объяснение: текст примера представляет собой выдержку из примитивной газеты, издаваемой в мире, где происходит действие романа.

сама же в значительной степени и создаёт атмосферу этого мира, не позволяющую перепутать его с каким-либо другим, и в то же время зачастую «напоённую ароматами» реалий обыденного мира (например, моряцкой корпорации), которые, будучи легко узнаваемыми, всё же остаются для русскоязычного читателя экзотическими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Флотская тематическая лексика является частью языка художественной литературы, конструируемой на базе морского корпоративного языка, и представляет собой вторичную по отношению к ним обоим языковую подсистему. Она обладает тематической дифференциацией, обусловленной кругом номинатов её единиц, в который входят наименования предметов, функционирующих на флоте, действий, совершаемых на флоте, и лиц, характеризующихся с точки зрения принадлежности к флотской службе. Типология номинатов ФТЛ совпадает с типологией номинатов морского корпоративного языка, однако корпус флотской тематической лексики шире за счёт вымышленных и потенциальных номинаций.

ФТЛ также обладает стилистической дифференциацией, подобной той, что наличествует в морском корпоративном языке. Принадлежность единиц ФТЛ к кодифицированной или жаргонной её части определяет текстовые функции, которые данные единицы могут выполнять. Помимо этого на выполнение ФТЛ тех или иных текстовых функций могут оказывать влияние различные факторы, такие как ближайшее контекстное окружение, жанр текста или конкретного отрывка текста.

Существует специфический набор функций, для выполнения которых в художественном тексте авторами привлекается тематическая лексика. Это индицирующая, характерологическая, эмпатическая и криптолалическая функции. Установлено, что единиц ФТЛ, выполняющих какую-либо из этих функций в чистом виде, по всей вероятности, не существует – все они находятся в теснейшей взаимосвязи.

Индицирующая функция в той или иной степени свойственна всем единицам ФТЛ, поскольку ФТЛ как таковая указывает на море и/или флот как на обстоятельство действия произведения и контекст речи персонажей. При этом отбор автором кодифицированных либо жаргонных номинаций, которые вкладываются в уста героев, указывает на коммуникативную

ситуацию как на формальную или неформальную соответственно. Частным случаем является использование вымышленной ФТЛ. Она индицирует мир произведения как вымышленный, и настраивает читателя на восприятие закономерностей его бытия, отличных от закономерностей бытия обыденного мира. Остальные функции ФТЛ тесно связаны с данной и, как показывают результаты исследования, не могут выполняться в отрыве от неё.

ФТЛ в характерологической функции указывает на включённость или невключённость употребляющих её персонажей (к которым относится и автор-повествователь) в число носителей морского корпоративного языка. При этом могут употребляться корпоративно специфические акцентологические и словообразовательные формы, а также вспомогательные внелексические средства (например, знаки пунктуации). Эту функцию можно противопоставить индицирующей по объекту характеристики (отдельный персонаж – коммуникативная ситуация в целом).

Эмпатическую функцию, заключающуюся в вызове у читателя запланированных автором эмоций, выполняют главным образом единицы жаргонного компонента ФТЛ. Её можно противопоставить индицирующей функции по тому, что автор сообщает читателю (эмоция – информация). Доказано, что эта функция не является для ФТЛ основной, поскольку выполняющие её единицы зачастую сопровождаются в текстовом окружении вспомогательными средствами, такими как эксплицитное указание на передаваемую эмоцию.

Криптолалическая функция подразумевает демонстрацию читателю более или менее знакомых реалий через призму специфически флотской языковой картины мира, что создаёт эффект очуждения. Она противопоставляется индицирующей функции по коммуникативной цели выполняющей её лексики (сделать текст непонятным, чуждым – индексировать текст как знакомый, понятный). Установлено, что наиболее ярко данная функция реализуется у вымышленной ФТЛ, номинирующей

объекты фикционального мира, чуждость и экзотичность которого читатель должен осознавать. В этом она сопрягается с эмпатической функцией.

Функционирование ФТЛ в произведениях фэнтези имеет свои особенности. Отмечено тяготение близких к эпическим жанрам псевдоисторического и эпического фэнтези к расширению круга ономов, имеющему цель подробно задокументировать события, происходящие в вымышленном мире. Для обозначения специфичного для вымышленного мира круга номинатов используется сложная контаминация метафоризации, словообразования и авторской метааллюзивности на основе разных типов заимствований из реально существующих коммуникативных систем и подсистем. Путём сложной лингвистической реконструкции выявляются возможные способы порождения лексики подобного рода.

Перспективу дальнейшего исследования могут составить изучение тематической лексики, транспонированной в язык художественной литературы из других специализированных коммуникативных систем, разностороннее исследование произведений, введённых в данной работе в научный оборот, с лингвистической и литературоведческой точек зрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература

1. Александровская Л. В. Семантика термина как члена общелитературной лексики (на материале английской морской терминологии): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 1973. 203 с.
2. Афоризмы вице-адмирала С.О. Макарова [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=137> (дата обращения 03.12.2014)
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. [Электронный ресурс]. М., 1996. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 03.12.2014)
5. Бойко Б.Л. Военно-морской жаргон экипажа корабля (штрихи к коллективному речевому портрету) [Электронный ресурс]. М., 2003. URL: <http://bb39.livejournal.com/#item912> (дата обращения: 12.02.2015)
6. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
7. Бондаренко И.В. Морская фразеология в языке художественной литературы. // Балтийский филологический курьер. 2003. № 2. С. 98–105.
8. Веселова И.С. Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.08. [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhanry-sovremennogo-gorodskogo-folklora-povestvovatelnye-traditsii> (дата обращения: 03.12.2014)
9. Виноградов В.В. О языке художественной литературы: монография. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 652 с.

10. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
11. Гайнутдинова А.Г. Морская фразеология русского и английского языков: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Российско-таджикский славянский университет. Душанбе, 2004. 25 с.
12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
13. Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С.18–25.
14. Горбань Л.В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Российский государственный университет им. Иммануила Канта. Мурманск, 2008. 26 с.
15. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание: ок.1500 илл. М.: Астрель: Аст: Хранитель, 2007. 349 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь В. Даля ON-LINE [Электронный ресурс]. М., 1999-2006. URL: <http://vidahl.agava.ru/index.htm> (дата обращения 03.12.2014)
17. Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло / под ред. И.Ф. Цветкова. М.: Прогресс: Пангея, 1993. 352 с.
18. Исаева С.М. Лингвистический анализ художественного прозаического текста в национальной аудитории: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. М., 1985. 278 с.
19. Какзанова Е.М. Термины-эпонимы в профессиональном языке моряков: (по повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками») // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31. С. 92–95.

20. Каланов Н.А. Береговые пираты [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=97> (дата обращения 16.12.2014)
21. Каланов Н.А. Дристающий огнём [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=189> (дата обращения 16.12.2014)
22. Каланов Н.А. Если завтра в море [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=26> (дата обращения 16.12.2014)
23. Каланов Н.А. Имена подводных кораблей России [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=32> (дата обращения 16.12.2014)
24. Каланов Н.А. Именованть «Рыкова» «Николаем Ежовым» [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=36> (дата обращения 16.12.2014)
25. Каланов Н.А. Как адмирал у старлея статью «слизал» [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=165> (дата обращения 16.12.2014)
26. Каланов Н.А. Названия кораблей революции и гражданской войны [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=35> (дата обращения 16.12.2014)
27. Каланов Н.А. Названия петровских кораблей [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=31> (дата обращения 16.12.2014)
28. Каланов Н.А. Отрывок из «Иллюстрированного словаря морского языка» [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=95> (дата обращения 16.12.2014)
29. Каланов Н.А. Прозвища военно-морских званий и должностей [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=50> (дата обращения 16.12.2014)

30. Каланов Н.А. Прозвища гражданских морских званий, должностей и специальностей [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=51> (Дата обращения 16.12.2014)
31. Каланов Н.А. Сборник пословиц о море и моряках [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=92> (дата обращения 16.12.2014)
32. Каланов Н.А. Словарь морского жаргона: Около 1500 слов, 1400 идиоматических выражений. М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 477 с.
33. Каланов Н.А. Чёрная кошка и красный петух [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=14>. (дата обращения 16.12.2014)
34. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
35. Козловская О.Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии: На материале английского и русского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. СПб., 2005. 468 с.
36. Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI-XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. 736 с.
37. Кротов Н.И. Вымышленная флотская лексика в романах русскоязычного фэнтеза (на материале цикла В.В. Камши «Отблески Этерны»). Проспект Свободный 2016: материалы конф. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – [в печати]
38. Кротов Н.И. Морской жаргон как выразительное средство художественного текста (на материале романа В.С.Пикуля «Океанский патруль»). Молодёжь и наука: в 3 т.: материалы конф. Т.1. Ч.2 / отв. за выпуск А.Н. Тамаровская. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 51–55.

39. Крысин Л.П. Русское слово своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. (Studia philologica)
40. Крысин Л.П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Занадворова А.В., Какорина Е.В., Китайгородская М.В., Крысин Л.П., Милёхина Т.А., Розанова Н.Н., Черняк В.Д., Шмелева Е.Я. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–100.
41. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2 (5). С. 41-60.
42. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода (Вводные замечания) // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство – СПб», 2011. С. 594–604.
43. Лотман Ю.М. Основные этапы развития русского реализма (Совместно с Б.Ф. Егоровым и З.Г. Матц) // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство – СПб», 2011. С. 530–547.
44. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: «Искусство – СПб», 2011. С.712-729.
45. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство – СПб», 2011. С. 18–252.
46. Мисник М.Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Иркутск, 2006. 18 с.
47. Мишин С.Н. Замечания к «Словарю морского жаргона» (1 издание) [Электронный ресурс]. М., 2006-2011. URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=55> (дата обращения 16.12.2014)

48. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2001. 720 с.
49. Невский Б. Жанры: героическое фэнтези [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art454.htm> (дата обращения: 17.02.2016)
50. Невский Б. Жанры: историческое фэнтези [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art731.htm> (дата обращения: 17.02.2016)
51. Невский Б. Жанры: эпическое фэнтези [Электронный ресурс]. – 2005. – URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art574.htm> (дата обращения: 17.02.2016)
52. Невский Б. Попаданцы [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art5368.htm> (дата обращения: 27.05.2016)
53. Новичков А.А. Авторские топонимы в романах фэнтези // Альманах современной науки и образования [Электронный ресурс]. Тамбов: Грамота, 2009. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_8-2_54.pdf (дата обращения: 17.02.2016)
54. Орлова Н.М. Функционирование морской лексики в тексте художественной литературы (XIX-XX вв.): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 1984. 207 с.
55. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория : диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. [Электронный ресурс]. Волгоград, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/dostovernost-kak-kommunikativnaya-kategoriya>. (дата обращения: 16.12.2014)
56. Папьян Л.Ю. Языковая организация единого целого (на материале романа А.Г.Малышкина «Люди из захолустья»): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Чита, 2009. 195 с.
57. Папьян Ю.М. Язык в художественной литературе и употребление языка // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 120–125.
58. Пикуль В.С. Словарь малопонятных слов // Пикуль В.С. Океанский патруль. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. С. 778–790.

59. Подберёзкина Л.З. Корпоративный язык. Принципы исследования и описания (на материале языка столбистов): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Красноярск, 1995. 327 с.
60. Прох Л.З. Словарь ветров. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 312 с.
61. Самотик Л.Г. Литературный ономастикон на материале диалогии А.И. Чмыхало: Словарь. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. 228 с.
62. Самотик Л.Г. Язык «Турецкого гамбита» Б.Акунина: Очерк и словарь. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. 136 с.
63. Сморгонский И.К. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. XV, 180 с.
64. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.20: утверждена 21.07.2006. Казань, 2005. 396 с.
65. Солнышкина М.И. Тезаурус профессионального подъязыка и его пополнение // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 57–61.
66. Солнышкина М.И., Мочелевская Е.В. Источники формирования профессионального языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 71–75.
67. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Телия В.Н. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.
68. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
69. Федосова О.В. Жаргонная лексика в современном испанском обиходном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 159-162.

70. Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 104 с.
71. Чёрный И.В. Колдовские разборы. [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://old.mirf.ru/Reviews/review2184.htm> (дата обращения 29.04.2016)
72. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра. [Электронный ресурс]. Саратов, 1997. URL: <http://gigabaza.ru/doc/82583.html> (дата обращения 20.02.2015)
73. Энциклопедии и словари. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com> (дата обращения: 20.02.2015)
74. Ячменёва С.П. Функции арготизмов в художественном тексте: диахронический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Омск, 2007. 199 с.

Источники

1. Акунин Б. СОКОЛ и ЛАСТОЧКА: Роман. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 624 с.: ил.
2. Астраханцев А.И. И пройдут теплоходы: Рассказы и повесть. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1978. 170 с.: ил.
3. Камша В.В. Лик победы (Цикл «Отблески Этерны»). Книга третья. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. 752 с., ил.
4. Камша В.В. Зимний Излом: Из глубин (Цикл «Отблески Этерны»). – Книга четвёртая. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 640 с., ил.
5. Камша В.В. Сердце Зверя. Синий взгляд смерти: Закат (Цикл «Отблески Этерны»). – Книга пятая. М.: Изд-во Эксмо, 2011. 704 с., ил.
6. Пикуль В.С. Океанский патруль. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. 796 с.
7. Покровский А.М. 72 метра: Книга прозы. СПб.: Инапресс, 2004. 400 с.

8. Рудазов А.В. Битва полчищ: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. 438 с.: ил.
9. Рудазов А.В. Война колдунов. Вторжение: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007. 410 с.: ил.
10. Рудазов А.В. Война колдунов. Штурм цитадели: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007. 391 с.: ил.
11. Рудазов А.В. Заря над бездной: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. 445 с.: ил.
12. Рудазов А.В. Рыцари Пречистой Девы: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2004. 472 с.: ил.
13. Рудазов А.В. Самое лучшее оружие: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005. 448 с.: ил.
14. Рудазов А.В. Серая чума: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2006. 408 с.: ил.
15. Рудазов А.В. Совет Двенадцати: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. 344 с.: ил.
16. Рудазов А.В. Тайна похищенной башни: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009. 347 с.: ил.
17. Рудазов А.В. Три мудреца в одном тазу: Фантастический роман. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005. 475 с.: ил.
18. Фрай М. Волонтёры вечности: Повести. СПб.: Амфора, 2002. 606 с.
19. Фрай М. Наваждения: [повести]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2004. 383 с.
20. Фрай М. Простые волшебные вещи: повести. СПб.: Амфора, 2011. 350 с.
21. Фрай М. Тёмная сторона: повести. СПб.: Амфора, 2012. 383 с.
22. Фрай М. Тубурская игра. История, рассказанная Нумминорихом Кутой: [роман]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2013. 383 с. (Серия «Хроники Ехо»).